

Александр Михайловский
Юлия Маркова

АЛЫЙ ФЛАГ АКВИЛОНИИ ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ

Прогрессоры - 8

Прогрессоры

Александр Михайловский

**Алый флаг Аквилонии.
Железные люди**

«Автор, Автор»

2023

Михайловский А. Б.

Алый флаг Аквилонии. Железные люди / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор», 2023 — (Прогрессоры)

Государство Аквилония, созданное из равноправных представителей разных времен и народов, объединившихся для совместного устремления к лучшей жизни и противостояния беспощадному Каменному веку, готовится к новым испытаниям. Спасательная экспедиция на фрегате «Медуза» благополучно достигла пункта своего назначения и, взяв на борт новых сограждан, повернула обратно. Но это опять-таки всего лишь только начало приключений, ибо еще далеко не все герои вышли на сцену... Прочитав эту книгу, вы узнаете, с кем еще суждено встретиться аквилонцам и каким испытаниям намерен подвергнуть их неведомый Посредник.

© Михайловский А. Б., 2023

© Автор, Автор, 2023

Содержание

Часть 29	5
Часть 30	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Алый флаг Аквилонии. Железные люди

Часть 29

Случай в Эгейском море

30 мая 3-го года Миссии. Четверг. Пять часов вечера. Залив Сувла, фрегат «Медуза».

Поход «Медузы» к краю земли продолжался ровно три недели и один день. После Гибралтара погода была в основном милостива к путешествуящим. До самого Крита дули попутные западные и юго-западные ветры, колеблясь от фордевинда (прямо в корму) до полного правого бакштага (чуть сбоку). На этом участке «Медуза» только один раз подошла близко к африканскому берегу и ненадолго встала на якорь, чтобы высадить там бывшего господина Мергенова. Этот человек не пожелал жить по законам Аквилонии, и не получилось из него кающегося грешника (ибо он ни в чем не изменил своих убеждений), а потому решением Совета Вождей он был изгнан без права возвращения. Провожал изгнанника Сергей-младший, бросив тому на прощание стальной нож и кремьен с огнивом. Если он будет умен, с таким капиталом сможет присоединиться к одному из местных кланов, обитающих в этом благословенном краю, напоминающем Черноморское побережье Кавказа нашего времени, в противном случае побеждает немного среди пальм и рощ ореховых деревьев, и помрет от какого-нибудь несчастного случая. Вот и все об этом человеке... Произошло все это двадцать первого мая перед самым входом в Сицилийский пролив.

Следующий раз «Медуза» встала на якорь вечером двадцать пятого мая, в проливе Андикитира, у западной оконечности острова Крит. Капитан Дамиано заявил, что дальше начинается Эгейское море, в котором неучтенных островов, просто не существовавших в двадцатом веке, в нем наверняка как клецок в супе, – так что с этого момента он будет двигаться только в светлое время суток от якорной стоянки у одного острова до другой такой промежуточной точки маршрута. Тем более что в разгаре новолуние – а в это время ночью не то что бурунов над отмелью, даже острова в трех шагах прямо по курсу не заметишь. Спорить никто не стал. Сергей-младший распорядился спускать шлюпку, чтобы добраться до довольно близкого берега и там немного поохотиться, ибо рыба, которую ловили прямо на ходу спиннингами из аварийного комплекта «Боинга», команде и пассажирам изрядно надоела.

В охотничью экспедицию отправились довольно многочисленная компания: во-первых, сам Сергей-младший с четырьмя женами-волчицами; во-вторых, майор Бояринцев и старший лейтенант Чемизов; в-третьих, Джино Молинари, показавший себя неплохим охотником еще во время зимнего похода в тундростепи. Впрочем, далеко на сушу охотникам углубляться не пришлось, ибо почти сразу они наткнулись на небольшое стадо... карликовых слонов. Размером эти животные были с крупного быка, но во всем остальном, не считая непропорционально большой головы, мало отличались своих гигантских¹ африканских собратьев.

– Всю жизнь мечтал попробовать слонятины, – сказал Сергей-младший. – Но берем только одно животное – и на этом все, хватит. Больше нам не съесть. Александр Яковлевич, ваш выстрел, Геннадий страхует, остальные наготове. В эти времена стоит убить крупную добычу, как тут же явится какое-нибудь наглое мурло из породы кошачьих и заявит, что ему это мясо нужно.

¹ Доисторические африканские слоны в несколько раз превосходили современных, достигая роста в четыре с половиной метра и веса в пятнадцать тонн.

Майор Бояринцев не подвел. Единственный выстрел в голову – и один из недослонов рухнул на землю, с трубным ревом суча толстыми ногами. Стадо бросилось врассыпную. И тут на опушке леса нарисовала полосатая тройка кошачьих – покрупнее леопарда, помельче нормального пещерного льва – все, как и обещал Сергей-младший. Пока майор передергивал затвор «американки», по разу выстрелили лейтенант Чемизов и Джино Молинали, и оба попали. Одна дикая кошка рухнула замертво, сраженная наповал, еще одна с жалобным мяуканьем стала биться в агонии, третья же благополучно ретировалась. Подойдя поближе, лейтенант хорошенько прицелился и сделал еще один выстрел, прекращая мучения раненого зверя. И, что характерно, никто ничего не сказал о защите дикой природы от хищнических действий человека, ибо в эти времена все обстояло совсем наоборот...

Шкуры у кошачьих в конце весны плохие, облезлые, потому свежевать недольвов (точнее, недольвиц) не стали. Сергей-младший только посоветовал счастливым охотникам вырезать у них клыки, чтобы потом носить их на веревочке как ожерелье. Если Джино Молинали был уже знаком с таким обычаем, то для людей из экипажа «Антея» это было в новинку. Майору Бояринцеву в качестве утешительного приза досталась пара слоновьих бивней.

– И что я буду с ними делать, Сергей, носить на шее? – спросил он, глядя на два чуть изогнутых предмета длиной примерно с локоть взрослого мужчины.

– Подарите кому-нибудь, Александр Яковлевич, – махнул рукой младший Прогрессор. – Слоновья кость в нашем обществе – вещь ценная и достаточно редкая, ибо на мамонтов и на моржей мы системно не охотимся. После того, как над ними поработает мастер Валера, расчески и прочие дамские штучки из этих бивней получатся просто замечательные. Ну чем не свадебный подарок невесте?

– Хорошо, Сергей, я учту ваш совет, – сказал летчик, забирая бивни. – Был бы подарок, а невеста найдется...

На самом деле все прекрасно знали, кому майор Бояринцев подарит вещи, изготовленные из добытых им бивней, и даже догадывались, когда это произойдет, ибо только слепой мог не заметить его регулярных встреч на шкафуте с будущей медсестрой Лидой Голубкиной. И хоть потенциальная старшая жена майора была еще очень молода (до наступления минимального брачного возраста ей оставался год), все помнили прецеденты Антона-младшего и Виктора де Леграна, вступивших со своими несовершеннолетними женами в предварительный брак. Так что никто не собирался мешать отношениям этих двоих, по крайней мере, до тех пор, пока те ведут себя благопристойно.

Двадцать шестого мая фрегат встал на якорь в виду острова Милос из архипелага Киклады. Двадцать седьмого – остановился в проливе между островами Тинос и Микonos, не обнаружив в этом месте ничего необычного. Двадцать восьмого – остановился у маленького острова Макселл (в историческое время на этом месте располагалась банка (*отмель*) с таким же названием); двадцать девятого достиг южного побережья полуострова, образованного островами Мудрос, Лемнос и Тенендос, и, огибая его вдоль западного берега, встал на якорь в виду скалистого мыса Фарос. Оттуда до залива Сувла оставался всего один дневной переход.

И вот наступил вечер тридцатого числа. Якорь брошен, паруса спущены. Команда и пассажиры «Медузы» с интересом взирают на конечную цель своего путешествия. Неподалеку от фрегата на якорь стоит подводная лодка типа «Малютка», и легкий северо-западный ветерок треплет на ее флагштоке флаг советского ВМФ. На берегу, в устье небольшой речки, раскинулся армейский полевой лагерь с отдельными элементами стойбища местных жителей. Во всем видна рука крепкого хозяйственника с армейской жилкой (боцман Карелин). Короткой трубой, сложенной из камней, дымит врезанная в пригорок баня-полуземлянка.

Вот откидывается занавесь из плащ-палаток, заменяющая дверь – и из темного чрева вместе с клубами пара вырываются голые мужчины, и тут же начинают плескаться в речке.

Вдоль берега ровными рядами (армия тут или что?) стоят обычные для местных шалаши-типи, покрытые оленьими шкурами, а чуть выше лагеря пасутся стреноженные кони.

Вскоре после разгрома британской колонии капитан-лейтенант Голованов послал лейб-гусар проехаться по разоренным стойбищам, чтобы похоронить погибших и забрать оттуда все ценное – в основном шкуры и брошенные предметы одежды. Проводниками кавалеристам при этом служили местные мальчишки-подростки. И вот что удивительно: Натальи рядом не было, а гусары и местные мальчишки друг друга как-то понимали. Отойдя от ужаса британского плена, юноши из местных снова сделались живыми и любознательными ребятами, к тому же заполучившими в жизни новые идеалы и образцы для подражания. По крайней мере, теперь им уже было известно, насколько иначе выглядит окружающий мир с высоты конского седла и насколько дружелюбным и понимающим созданием оказывается лошадь, если не воспринимать ее исключительно в качестве мяса.

Вон там, между стволами редких деревьев, растянуты шкуры оленей и зубров из последней добычи, а местные женщины занимаются их обработкой. Никто их не заставляет делать эту работу – таково их собственное желание помочь клану чужих, в котором они теперь, собственно, не чужие, а равные среди равных. Вон там варится на кострах еда, а там – вялятся на растянутых веревках недавно пойманная рыба. А вот там – стоят в ряд плетеные из лозы полевые сортиры, без которых тоже никак. Население лагеря составляет на глаз более двух сотен человек, и все они каждый день хотят есть, а поев, идут справлять естественные надобности. Без сортиров санитарное состояние лагеря описывалось бы словом «клоака», с ними же все выглядит цивилизованно и благопристойно.

Те люди, что на берегу (команда «Малютки», морские пехотинцы из трех миров, лейб-гусары, матросы с «Аскольда», да женщины из тылового невооруженного подразделения) побросав свои дела, тоже смотрят на фрегат, над которым реет алый флаг Аквилонии. Целых два месяца прибытие этого корабля было их целью и путеводным маяком – и вот он стоит тут на якоре на расстоянии прямой видимости. Прежде и они, и те люди, что на корабле, знали друг друга только в виде набора точек и тире в радиоэфире – и вот недалек тот момент, когда они смогут встретиться лицом к лицу и пожать друг другу руки.

С борта фрегата видят, как в шлюпку садятся трое мужчин в черной форме, двое в зеленой, один в красном гусарском мундире, и одна женщина в местных одеждах. Потом матросы в белых робах налегают на весла, и шлюпка направляется к фрегату, где уже спускают с правого борта пассажирский трап². Встречают гостей капитан Раймондо Дамиано, Сергей-младший, доктор Блохин, а также майор Бояринцев, майор Агеев, майор Муратов, старший лейтенант Чемизов, Максут Идрисов, Степан Карпов, Антон Уткин и Дмитрий Фильченко. А позади них собрались взволнованные и улыбающиеся синьориты-маринайы в своих кожаных маечках-топиках и коротеньких юбочках. Медсестры-практикантки, а также законные жены Сергея-младшего и доктора Блохина взирают на происходящее с высоты юта. Исторический момент... Для полной торжественности не хватает только щелкающих камерами фотокорреспондентов.

Первым по трапу поднимается капитан-лейтенант Голованов, за ним – лейтенант Гаврилов, поручик Авдеев, подпоручик Акимов, старшина Давыдов, старший вахмистр Терехов, артиллерийский кондуктор Деревянко, и последней – смущенная и растерянная Наталья Чечкина-Монидис. У уроженцев середины двадцатого века и прежних времен открывшаяся картина не вызывает никаких ассоциаций, а вот выходцы из века двадцать первого вполголоса обмениваются мнениями.

– Ну прямо пираты Карибского моря... – говорит поручик Авдеев.

² Не путать со шторм-трапом, то есть веревочной лестницей, спускаемой с борта.

– Действительно, похоже, – соглашается подпоручик Акимов. – Только капитан выглядит посимпатичнее Джека Воробья, да и команда хороша. Хоть прямо сейчас на подиум, демонстрировать пиратские моды.

Капитан-лейтенант Голованов и ухом не повел на шепотки за спиной, хотя все прекрасно расслышал. Потом он спросит этих двоих хитрых выходцев из двадцать первого века, каких пиратов Карибского моря они имели в виду и кто такой капитан Джек Воробей. А то капитана Флинта, Моргана, Дрейка и Хокинса он помнит, а никакого Джека Воробья не помнит...

Ну а пока надо делать дело.

– Я – капитан-лейтенант Голованов, командир подводной лодки М-34 и всей сводной группы, расположившейся сейчас на берегу, со мной командиры подразделений лейтенант Гаврилов, поручик Авдеев, подпоручик Акимов, старший вахмистр Терехов, артиллерийский кондуктор Деревянко, товарищ Чечкина-Монидис и секретарь объединенной парторганизации старшина Давыдов.

– Я – Сергей Васильевич Петров, член клана Прогрессоров и полномочный представитель Верховного Совета Аквилонии, – ответил Сергей-младший, сделав шаг вперед. – Рядом со мной – капитан фрегата товарищ Раймондо Дамиано и военврач третьего ранга Сергей Александрович Блохин. Это, так сказать, управляющая тройка. Остальные – это в прошлом военные и гражданские летчики, а нынче стажеры на морской службе: майор Александр Яковлевич Бояринцев, майор Евгений Александрович Агеев, майор Владимир Алексеевич Муратов, старший лейтенант Геннадий Егорович Чемизов, Максут Азатович Идрисов и Степан Григорьевич Карпов, а также суперкарго Андрей Уткин и переводчик с испанского Дмитрий Фильченко. Прошу, как говорится, любить и жаловать.

– Так вы тот самый лейтенант Петров, который взял на abordаж итальянскую подводную лодку? – с легкой улыбкой спросил Голованов.

– Абордаж – это не то слово, товарищ капитан-лейтенант, – с такой же улыбкой ответил тот. – Мой взвод ружейно-пулеметным огнем очистил палубу сидящей на мели вражеской субмарины от присутствия дееспособного противника, тем самым принудив ее командира к безоговорочной капитуляции.

– И как это вам удалось? – В вопросе лейтенанта Гаврилова чувствовался профессиональный интерес.

– Мы сблизились с противником под прикрытием рассеивающегося утреннего тумана и открыли огонь прежде, чем на субмарине хоть что-то успели понять, – ответил младший прогрессор. – В таких ситуациях, товарищ лейтенант, хорошо стреляет тот, кто стреляет первым. Промешкай мы с десяток секунд, и бой повернулся бы совсем в другую сторону. Ну а когда первыми начинают стрелять «волчицы», то Чингачкук и его братья-индейцы стоят в сторонке, плачут горячими слезами и тихонько курят трубку мира.

– Волчицы? – удивленно переспросил лейтенант Гаврилов.

– Был в долине Гаронны такой клан Волка, зарабатывавший себе на жизнь грабежом и вымогательством, – пояснил Сергей-младший. – Его мужчины брали себе в жены из соседних кланов самых красивых, бойких, сильных и дерзких девок – можно сказать, занимались самоселекцией. Бойкость и дерзость из своих жен они выбивали кулаком и палкой, но зато дети в клане Волка из поколения в поколение рождались первоклассные. Потом этот клан решил наехать на нас, таких немногочисленных, но богатых разными ништяками – и на этом полностью закончился. Отражая неспровоцированное нападение, мы убили всех мужчин, способных носить оружие, а женщин и детей включили в свое племя для дальнейшего перевоспитания и превращения в полноценных сограждан. Поняв, что среди нас они люди, а не бесплатные приложения к отцам и мужьям, волчицы ответили нам безудержной преданностью и пылкой любовью. А кроме того, выяснилось, что мужчины клана Волка все-таки занимались своей самоселекцией не зря. Оказалось, что их бывшие жены и дочери обладают очень высоким бое-

вым потенциалом. Мы вооружили их, обучили всему, что знаем сами, и поставили в строй, так как поняли, что за наше общество, признавшее их людьми, эти девушки будут сражаться с неистовой яростью берсерков.

– Что есть, то есть, – подтвердил доктор Блохин. – Я сам видел, как эти милые девушки внезапно атаковали и за десяток секунд уничтожили эсесовский отряд охотников за беглыми военнопленными. Кстати, команда этого корабля тоже по большей части состоит из «волчиц». Ее набирали из тех девиц этого клана, которые, помимо других положительных качеств, не подвержены морской болезни и страху высоты.

– Еще в самом начале нашей истории Сергей Петрович сказал, что не господа мы этому народу, а наставники и учителя, – добавил младший прогрессор. – По-иному мы просто не могли, и ездить по стойбищам, отбирая у людей последнее, не собирались.

Услышав эти слова, синьориты-маринайо одобрительно загомонили, подтверждая сказанное.

– Вот, товарищи, – сказал капитан-лейтенант Голованов, – вот он – практический социализм в действии, когда в обществе нет ни бар, ни холопов.

– А как у вас, товарищ Петров, в Аквилонии обстоят дела с основным признаком социализма – ликвидацией безграмотности и вообще с народным образованием? – спросил старшина Давыдов.

– Для совершеннолетних граждан школа функционирует с момента завершения хода лосося (это где-то первое декабря) и по тридцатое апреля, – пояснил тот. – Несовершеннолетние (то есть те, кому не исполнилось четырнадцати лет) учатся, как положено – то есть с первого сентября по тридцать первое мая. К нам, знаете ли, с одной оказией попал почти полный набор школьных учителей из самого начала двадцать первого века, и теперь эти люди с полной отдачей трудятся по основной специальности, а не пропалывают огороды. Единственное, чего нам сейчас не хватает в этом направлении, это хорошей библиотеки с большим запасом книг.

– Ну что же, товарищ Голованов, – сказал секретарь объединенной парторганизации, – я полностью согласен с вашим мнением о социалистическом характере Аквилонского общества. Товарищ Дамиано у нас тоже не вызывает никаких сомнений или враждебности, несмотря на его итальянское происхождение. Мы понимаем, что, если он командует этим кораблем, то Аквилонское руководство относится к нему с полным доверием.

– Товарищ Дамиано не просто облечен полным доверием Сергея Петровича и Андрея Викторовича, потому что прошел полный курс искупления и реабилитации, предписанный ему как пленному врагу, – усмехнулся Сергей-младший. – В дополнение к этому, он – единственный из нас, кто владеет умением водить по морю большие парусные корабли и делится этим умением с другими. Если бы не он, то мы просто не могли бы отправиться в эту экспедицию, ибо наличие фрегата само по себе еще не означает возможность его использования. При этом нас несколько не волнуют его монархические убеждения и преданность Савойской королевской династии, ибо эти понятия никак не пересекаются с нашим нынешним существованием. Сейчас он – один из нас, аквилонцев, и с этим фактом придется считаться кому бы то ни было.

– Товарищи Авдеев и Акимов тоже имеют монархические убеждения, – ответил капитан-лейтенант Голованов, – но, несмотря на это, мы с ними сработались. Впрочем, здесь это и в самом деле неважно. Поэтому предлагаю закончить с дипломатическими преамбулами и приступить к делу.

Полномочный представитель Верховного Совета Аквилонии обвел внимательным взглядом представителей и командиров новых граждан Аквилонии, и сказал:

– Вас всех с нетерпением ждут в Аквилонии, а потому с погрузкой на борт людей и имущества требуется управиться как можно скорее. Завтра утром мы организуем на берегу пункт санитарного контроля, и те, кто его пройдет, незамедлительно отправятся на «Медузу». Нач-

нем, пожалуй, с местных женщин, так как с ними ожидается больше всего мороки. У них есть старший, или они сами по себе?

– Командир у невооруженного женского подразделения тылового обеспечения имеется, – ответил капитан-лейтенант Голованов. – Это присутствующая здесь местная уроженка Наталья Константиновна Чечкина-Монидис, дочь российскоподданного Константина Монидиса. Отец обучил ее русскому языку, а когда мы встретились, попросил меня доставить ее в Аквилонию, ибо в родном клане ей больше не было места. Потом получилось так, что Наталья высказала желание выйти замуж за моего помощника лейтенанта Чечкина, и, так как тот не возражал, я совершил обряд бракосочетания, объявив этих двоих мужем и женой. А еще некоторое время спустя, когда мы впервые столкнулись с британцами и жертвами их разбоя, она добровольно взяла на себя руководство женским подразделением, которое с тех пор не имело ни одного нарекания. А что, что-то не так?

– Все так, Николай Иванович, – сказал Сергей-младший. – Сами того не зная, вы поступили как настоящий аквилонский вождь. Любящие сердца соединили, освобожденных из плена женщин взяли под опеку, а подходящего человека использовали там, где он оказался незаменим. Зарегистрированный вами брак в Аквилонии будет считаться законным, а товарищ Наталья с этого момента получает титул леди. Так у нас называют замужних женщин, которые несут важную общественную нагрузку или в силу своих профессиональных компетенций руководят каким-нибудь производством. Думаю, что, едва мы прибудем домой, ее сразу же назначат руководителем реабилитационного центра для выкупленных из кланов местных женщин. Там ей придется много учиться самой и учить своих подопечных. Леди Наталья!

– Я тут, – неожиданно хрипло отозвалась та.

– Завтра утром мы поставим на берегу большую палатку, в которой будет организован полевой санитарно-пропускной пункт, – сказал младший прогрессор. – Там ваших женщин будут осматривать наши ученицы Мудрых Женщин, только в самом крайнем случае обращаясь к доктору Блохину, после чего мы будем перевозить их на борт фрегата и размещать в уже подготовленных помещениях. Вам это понятно?

– Я понял, товарищ Петров, – ответила Наталья и, вскинув голову, добавила: – Пусть ваш доктор тоже нас смотрит, мы все красивый и совсем не стеснительный.

– Мы знаем, что вы красивые и не стеснительные, – ответил Сергей-младший, – но так положено. Кроме того, медсестер-практиканток у нас шестеро, а доктор только один. Если он будет осматривать всех подряд, то дело растянется до ишачьей пасхи.

– И мужчин, значит, товарищ Петров, тоже ваши барышни осматривать будут? – скептически приподняв бровь, спросил артиллерийский кондуктор Деревянко.

– А вы, значит, товарищ Деревянко, стеснительный? – с ехидцей ответил младший прогрессор. – Ничего, как-нибудь этот момент переживете, тем более что никто к вашим мужским причиндалам присматриваться не будет. Стыдных болезней нет, и ладно. Вошки-блошки – это совсем другое дело. Пронос их на «Медузу» даже в самом небольшом количестве будет тяжким преступлением против ваших же товарищей. И вообще, привыкайте к тому, что в Аквилонии медицина – преимущественно женское занятие. Мужчины у нас трудятся и воюют там, где нужна физическая сила, а женщины – там, где требуются ловкость, быстрота и терпение.

– Вот так, Алексей Петрович, – сказал вахмистр Терехов, – если баба тоже человек, то не только ты можешь мять ей сиськи, но и она имеет право подергать тебя за удочку...

– Не мял я никому сиськи, Яков Николаевич, навет это! – возмутился артиллерийский кондуктор. – Нешто я не понимаю, что сейчас к местным бабам подкатывать еще не можно? Испуганные они еще после британцев, и языка русского пока не разумеют.

– Так это я так, к примеру, Алексей Петрович, просто пошутил, – смутился командир лейб-гусар.

– Не надо так шутить, Яков Николаевич, – строго сказал Сергей-младший. – А вы, Алексей Петрович, все правильно понимаете. Ничего ваше от вас никуда не уйдет. Еще найдутся такие крали, которые возьмут вас за ручку и поведут к отцу Бонифацию вязать узы Гименея. Желания у местных женщин вступить в семью хоть отбавляй: от некоторых, слишком настырных, даже приходилось отбиваться, потому что и без них жен в доме достаточно.

– Так нешто у вас, товарищ Петров, в Аквилонии многоженство, как у магометан? – спросил артиллерийский кондуктор Деревянко, будучи потрясен таким фактом.

– Многоженство, Алексей Петрович, но не как у магометан, – терпеливо пояснил тот. – От женщин в нашем обществе требуется желание вступить в брак, а от мужчины согласие. Обычно кандидатки в жены предварительно составляют плотную компанию друзей, после чего так, группой, подкатывают к счастливому жениху. Между собой жены одного мужчины считаются названными сестрами, и ссоры и скандалы между ними должны быть исключены. Они вместе ведут хозяйство, вместе воспитывают детей, и никогда не пытаются выяснить, кого из них больше любит муж, потому что мы всех их любим и ценим совершенно одинаково. Они для нас не собственность, не рабыни, а боевые товарищи и матери наших детей. Такая картина в нашем обществе сложилась, с одной стороны, из-за того, что мужчин в нашем народе мало, а женщин в несколько раз больше, и все эти женщины хотят замуж, детей и всего прочего, что входит в женскую природу. С другой стороны, земля тут совершенно не заселена, а потому дети являются для нас благом и основой будущего общества, а не проклятием, как в те времена, когда люди сидели друг у друга на голове.

Пока Сергей-младший говорил тихим размеренным тоном, все слушали его очень внимательно, в полной тишине. Но когда он закончил, лейтенант Гаврилов, кое-что намотав на ус, задал уточняющий вопрос:

– Но почему получилось так, что у вас в Аквилонии женщин стало больше, чем мужчин? Мне показалось, что разгром клана Волка, о котором вы нам рассказали немного ранее, был только разовой историей, эффект от которой должен был быстро закончиться, когда все тамошние женщины освоились в вашем обществе и повыходили замуж.

– Для начала, товарищ лейтенант, надо сказать, что клан Волка – это не начало, а только середина нашей истории, – сказал Сергей-младший. – В самом начале нашей эпопеи поблизости от Аквилонии произошла трагедия. Впавший в людоедство клан Тюленя напал на клан Лани, убил в нем всех мужчин-охотников, а лиц женского пола и детей связал для употребления в пищу в обозримом будущем. При этом часть женщин-Ланей разбежалась по окрестностям, и некоторые из них сумели добежать до нашего лагеря, а следом за ними явились и кровожадные победители. Это был наш первый бой в этом мире. Огнестрельным оружием и врукопашную мы перебили экспедиционный отряд, а потом нанесли на разгромленную стоянку клана Лани ответный вооруженный визит, ибо такая пакость, как людоеды, нам не нужна была поблизости ни в каком виде. Закончив истребление мужской половины клана Тюленя, мы взяли в плен их женщин и освободили выживших женщин-Ланей. Пленным тюленям был предоставлен выбор остаться связанными на месте гибели их мужчин или пойти с нами, чтобы пройти обряд искупления от людоедства. Все они добровольно выбрали жизнь и искупление. Впрочем, женщины этого клана в любом случае были обречены, потому что когда не было другой добычи, мужики-Тюлени убивали и ели уже их самих. Так своих людей научил стукнутый на всю голову вождь-шаман Шамэл, который, как выяснилось совсем недавно, был выходцем из примерно наших времен, и, скорее всего, состоял в одной из этнических преступных банд юга Франции. Так у нас на руках оказались тридцать две взрослые женщины сразу двух кланов, при шести взрослых мужчинах, при том, что пятеро из нас к тому времени уже были женаты как минимум по одному разу. А ведь были еще девочки-подростки, и они, повзрослев в течение нескольких ближайших лет, тоже должны были захотеть брачных перспектив. Уже потом, осенью первого года, на нас упал автобус с французскими школьниками из нашего времени

и приплыл в свой грабительский набег клан Волка, но Лани и тюленихи-полуафриканки были первым нашим пополнением. Во время хода лосося того года мы познакомились с вождем клана Северных Оленей, оказавшимся братом одной из жен Сергей Петровича, леди Фэры и договорились устроить зимой совместную загонную охоту в тундростепях, расположенных к северу от его стоянки. Мероприятие прошло успешно, и большую часть добытого мяса мы оставили Северным Оленям, нам же от этой охоты требовались только шкуры животных да молодняк лошадей, бизонов и овцебыков для дальнейшего разведения. Весной, год назад, мы совершили к Северным Оленям еще один визит за белой глиной – в окрестностях их пещеры имелось ее небольшое месторождение. Так как по русскому обычаю с пустыми руками в гости не ходят, мы взяли с собой подарки: в частности, самодельную керамическую посуду, деревянные гребни и другую нужную в хозяйстве мелочь. По дороге туда нам случайно попался молодой французский дворянин из восемнадцатого века, сбежавший от гильотины злых монтаньяров, а когда мы прибыли, то вождь Ксим, увидев наши подарки, сказал, что не может принять все это добро без отдачи, и буквально всучил нам нескольких вдов с маленькими детьми женского пола. Мол, отдаю в хорошие руки, потому что осенью все равно придется прогонять их в лес. Тогда наш Сергей Петрович договорился с этим Ксимом, что тот поговорит с другими вождями, что не надо прогонять никого в лес, а пусть лучше осенью во время хода лосося они приводят ненужных женщин и детей к нашему поселению, а мы дадим за них разные нужные вещи. Как оказалось, коммуникация между кланами тут превосходная, и когда пошел лосось, местные вожди навалили в обмен нам столько женского элемента, что мы буквально взвыли: за кого же их всех выдавать замуж? Особенный ажиотаж у местного начальства вызвали стальные ножи, которые кует кузнец из присоединившегося к нам клана кельтов-думнониев. За них нам стали отдавать не только вдов с детьми, но и молодых девок, еще не бывших замужем. Для вождей кланов это обуза и лишние рты, которые надо кормить из скудной охотничьей добычи, а для нашего народа это ценный актив и его светлое будущее. Местные женщины умны, очень старательны и ответственные, а потому стоит их немного подкормить и подучить, и они начинают показывать чудеса трудового героизма в поле и различных мастерских. А еще они очень хотят замуж, пусть даже вчетвером-впятером за одного мужчину.

После этих слов товарищи командиры ошарашенно переглянулись, а леди Наталья сказала:

– Он говорил правда. Такой обычай есть, и я сам мог быть изгнан из клана после смерти мой отец-старейшина. Вы спас меня, забрал с собой и дал хороший муж, а он спас много-много другой женщина.

– Мы предполагаем, – продолжил Сергей-младший, – что за год эти розданные в прошлом году ножики широко разойдутся по ближним и дальним окрестностям, а этой осенью, в ноябре месяце, нас ждет настоящий женский потоп, так что семья из десяти жен и одного мужчины даже с вашим участием делается самым обычным явлением. Такие вот пирожки с котятками, к которым нам надо быть готовыми.

– Не извольте беспокоиться, товарищ Петров, справимся, – скрывая улыбку, провел рукой по пышным усам вахмистр Терехов. – Мужское дело нехитрое. Вы лучше скажите, как мы будем перевозить наших лошадок, а то мои люди опасаются, что вы прикажете бросить их здесь...

– Скажите своим гусарам, пусть не волнуются: лошади для нас тоже ценный актив, – сказал младший прогрессор. – Перевозить мы их будем прямо на палубе: после того, как выбросили ненужные пушки, образовалось достаточно места. Сначала по одной мы подвезем их на шлюпке до борта, потом подхватим под брюхо и грудь грузовой стрелой и водрузим на место. Только, чур, убирать за ними в пути вы будете сами. Договорились?

– Договорились, товарищ Петров, – ответил вахмистр. – Конь – это товарищ и друг гусара, а потому не обиходить его никак нельзя. Я это так понимаю. Надо бы поскорее вернуться на берег и успокоить братцев, а то они сильно волнуются.

– Да, действительно, товарищ Петров, основные моменты мы с вами обговорили, пищу для размышлений вы нам дали, теперь надо бы нам возвращаться на берег и приступать к организационным моментам, – подвел итог капитан-лейтенант Голованов.

– Мы с доктором вместе с женами тоже отправимся на берег вслед за вами, – сказал Сергей-младший. – Надо же нам и ваших людей вблизи посмотреть, и себя показать – что начальство в Аквилонии не какие-нибудь баре, а простые люди, которые к народу ходят своими ножками.

– И это тоже правильно, – согласился товарищ Голованов. – Официально приглашаю вас и вашу команду быть гостями в нашем лагере.

30 мая 3-го года Миссии. Четверг. Вечер. Лагерь отряда капитан-лейтенанта Голованова на берегу залив Сувла.

После нескольких рейсов шлюпок – и той, что с фрегата, и той, что с «Аскольда» – на берег сошла почти вся команда (за исключением вахтенных) и все пассажиры. Не стал отсиживаться на борту и Раймондо Дамиано, хотя среди бывших врагов ему было несколько неуютно. К аквилонцам он уже привык, но вот команда «Малютки» и бойцы из взвода лейтенанта Гаврилова еще пахли порохом и кровью Великой Войны, в которой Италия и Советский Союз были непримиримыми врагами. Но человеку в поношенном офицерском мундире Супермарины³ никто ничего не сделал, даже не сказал дурного слова: ходи где вздумается и смотри куда хочешь – тут ты не враг (даже бывший), а дорогой гость.

Гораздо больший интерес у морских пехотинцев вызвали девицы-волчицы из команды «Медузы» и взвода Сергея-младшего. Синьориты-маринайо по вечернему времени накинули на плечи курточки из оленьей замши, а воительницы-ополченки вышли в свет в своей американской форме в черных пятнах камуфляжа. Впрочем, у тех и у других в ножнах на поясе висели ножи, а у воительниц за плечом еще имелись винтовки-американки и дробовики. И не потому, что им тут что-то угрожало, а только по той причине, что за пределами поселения (или, в данном случае, палубы фрегата), бойцы ополчения всегда должны иметь личное оружие при себе. Но и без этого для всех заинтересованных лиц было очевидно, что мимо них сейчас прогуливаются не девчонки с соседней улицы (или деревни), а коллеги по воинскому ремеслу, добивающиеся результата не силой, а ловкостью и хитростью.

Морпехи смотрели на суровых девиц в форме и при оружии, а девицы на морпехов. Для них этот сводный отряд был отдохновением души. Немногочисленные варианты приличного, по их понятиям, замужества в Аквилонии уже закончились – и тут Великий дух присылает им сотню первоклассных кандидатов мужья. Даже глаза разбегаются: все хороши, выбирай на вкус. При этом ни лейб-гусары, ни матросы с «Аскольда», ни даже краснофлотцы и старшины из команды «Малютки» особого интереса у «волчиц» не вызывали – этот товар на брачном рынке предназначается для более домашних особ, а девушки из бывшего клана Волка хотели в мужья героев и бойцов, но не двуногих зверей, какими были их мужья, отцы и братья.

Правда, некоторые воительницы и матроски с «Медузы» с самого начала путешествия положили глаз на летчиков с «Антея», а потому в смотринах участвовали только в качестве статисток. Трое из них, что выбрали майора Бояринцева, уже подумывали о том, чтобы подойти к Лиде Голубкиной и обсудить условия их будущего брачного комплота. И не имело значения, что кандидатка в старшие жены еще не вошла в полный брачный возраст. К их возвращению на празднике летнего солнцестояния и она, и их общий жених получают права полного гражданства, и тогда сразу можно вступать в брак – для старшей жены предварительный, а для трех других нареченных сестер окончательный.

³ Супермарина – итальянский королевский военно-морской флот.

А вот и Лида – идет, чуть в сторонке, вместе с другими медсестрами-практикантками и женами доктора Блохина. Ей тут все интересно – в первую очередь, с профессиональной точки зрения, ибо, когда большое количество людей собираются вместе, их злейшим врагом становится антисанитария. Но ничего подобного не обнаруживается, и лицо Лиды светлеет. Впрочем, в этой компании местные обитатели смотрят не на нее и не на других девушек из двадцать первого века, и даже не на признанную красавицу Ванессу, а на коренастую неандерталку Ко, с независимым видом шествующую между «волчицами» Алаль и Сиси.

Морские пехотинцы из всех трех взводов и члены команды «Малютки» – люди воспитанные: пальцем на диво дивное не показывают и даже не перешептываются, и лишь иногда, как бы ненароком, бросают в сторону Ко быстрые взгляды. Совсем другое дело – женщины из невооруженного тылового подразделения. Среди них только и разговоров о самке уеху, оде той так, будто она наполовину человек, наполовину чужая⁴. Когда-то уеху жили и в этих краях, предпочитая пересеченную горную местность, а потом то ли ушли куда-то, то ли все умерли из-за нехватки нужной дичи (ибо непросто прокормить такие массивные существа, охотящиеся только на крупную добычу⁵).

Впрочем, еще больше пересудов у местных женщин вызывали «волчицы». Для них было очевидно, что родились эти девушки среди людей, но, связавшись с чужими, полностью отказались от своей сущности. Об этом говорила их одежда, оружие чужих в их руках, а также то, что они держат себя с чужими на равных, что для человеческих существ изначально невозможно. Даже самые добрые чужие все равно чужие, и, если бы не страх голодной смерти и не благодарность за спасение, то бежали бы местные женщины отсюда сломя голову. И говорят эти странные девицы – полулюди-получужие – по большей части на языке чужих, лишь иногда переходя на человеческую речь. И, как и чужие, они не боятся самки уеху, хотя всем известно, что это злобные, кровожадные и неуправляемые создания, не понимающие слов людей.

Тем временем командиры разговаривали у костра. Никого при этом не смущала крайняя молодость Сергея-младшего. В суровые времена люди взрослеют быстро, тем более что даже изначально молодой человек не был домашним мальчиком. Кстати, у него имелась своя теория по поводу причин появления в этих краях остатков британского батальона.

– Я думаю, – сказал он, – что Посредник предназначал британцев в наше усиление, ведь в пятнадцатом году они были союзниками России, но ошибся с оценкой их морального облика. На фоне турецких людоедов выглядели они неплохо, но когда внутри полковника Бошампа сорвался с цепи и вылез наружу старый колониалист, то план операции мгновенно оказался изменен, после чего англичане из союзника превратились в грушу для битья.

– Все может быть, товарищ Петров, – хмыкнул капитан-лейтенант Голованов, – хотя мне кажется, что Посредник швыряет нам сюда все, что у него оказалось под рукой, не разбирая, по какую сторону фронта будут сражаться те или иные пропаданцы.

– Не скажите, Николай Иванович, – возразил Сергей-младший. – Все три взвода морской пехоты были выброшены у вас на пути вполне целенаправленно, и только после того, как вы договорились об объединении для совместного перемещения в Аквилонию, в общую кучу полетели лейб-гусары, британцы, матросы с «Аскольда» и греки с Самофраки. Не исключено, что на обратном пути нас будут ждать еще сюрпризы.

– Да, – подтвердил капитан-лейтенант, – это совсем не исключено, а, напротив, более чем вероятно. Но только хотелось бы знать, какова может быть цель подобного эксперимента Посредника над этим диким миром?

⁴ В мастерских Аквилонии при пошиве одежды из сыромятной кожи применяются технологии высокого неолита – стальные шила и иглы, а также нитки из крапивной пряжи, вместо жил животных и кожаных ремешков, благодаря чему по качеству эти изделия отличаются от того, что носят в кланах.

⁵ На стоянках современных людей археологи находили кости самых разных животных – от зайца до мамонта, а на стоянках неандертальцев обнаружены только останки крупных травоядных: быков, оленей, лосей, лошадей, кабанов и т. д.

– Обыкновенная цель, – пожал плечами младший прогрессор, – новая цивилизация, свободная от заблуждений и грехов последующих времен, а может быть, даже новое человечество в биологическом смысле. Сергей Петрович как-то говорил, что за тысячелетия постепенной общественной эволюции человечество изрядно регрессировало как вид, и не только в плане физических кондиций. Из-за того, что большинство жизненных вопросов решалось на уровне общественных и государственных институтов, и каждому отдельному человеку не надо было над ними думать, мозг среднего представителя хомо сапиенс относительно нынешних времен усох где-то на десять процентов. А там у нас, в двадцать первом веке, во властных кругах и вовсе нашлись люди, которые решили окончательно отучить народные массы от привычки думать. Как заявил министр образования господин Фурсенко, камней ему в почки и якорь на шею, школа должна воспитывать квалифицированных потребителей – то есть превращать человеческих детей в чавкающих у корыта свиней, которым мозг без надобности, достаточно и желудка.

– Есть такая история, – хмыкнул подпоручик Акимов. – И чтобы она полностью сошла на нет, я думаю, потребуется какая-нибудь титаническая встряска, вроде окончательного разрыва со всем западным миром, и новая Великая Отечественная Война – к чему в среднесрочной перспективе там все и идет. Иначе от привычки к бездумью не отучить. Что касается местных дел, то мне кажется, что замысел Посредника подразумевает замену длительной социальной эволюции мгновенной, в историческом смысле, революцией. Цивилизация, неожиданно возникшая в самых неподходящих условиях, должна рвануть вверх с низкого старта, как баллистическая ракета, выпущенная из шахты подводной лодки. Но только нашего участия для такого рывка будет явно недостаточно. Когда мы решим все поставленные перед нами задачи и окончательно утрамбуемся в аквилонское общество, следует ожидать появления представителей какой-нибудь еще более высокоразвитой космической цивилизации из отдаленного будущего, которые вытолкнут Аквилонию на новую технологическую ступень...

Капитан-лейтенант Голованов тяжело вздохнул и с недоверием спросил:

– Как же, товарищ Акимов, в отдаленном будущем может образоваться высокоразвитая космическая цивилизация, если вы сами говорили, что после краха Советского Союза мир там у вас попал в технологический тупик, который некоторые даже обозвали концом истории?

– Если не будет ядерной войны, товарищ Голованов, то и из технологического тупика тоже можно рано или поздно выйти, – ответил тот. – Но я, честно говоря, подумал не об отдаленном будущем своего исходного мира двадцать первого века (того же, откуда происходят и товарищи основавшие Аквилонию), а о перспективном развитии миров, уже скорректированных Посредником в лучшую сторону. И самые большие надежды в этом плане я возлагаю на мир, из которого сюда пришел взвод лейтенанта Гаврилова. Ведь он только внешне похож на тот, откуда происходите вы, Николай Иванович, а на самом деле всего-то за год далеко ушел от него, и не только в ходе боевых действий, но и во внутренней и внешней политике Советского Союза.

– Будем надеяться, товарищ Акимов, что вы правы, а я слишком пессимистичен, – пожал плечами командир «Малютки». – Впрочем, я не стал бы сейчас забегать далеко вперед, даже мысленно. Сперва необходимо решить текущие задачи, благополучно добраться до Аквилонии, и только потом можно задумываться о том, что будет дальше. Тем более что и аквилонское руководство, и нас с вами одолевают предчувствия какого-то ужасного враждебного вторжения, которое Посредник может устроить вскоре после нашего прибытия на место назначения. У кого-нибудь есть соображения по этому поводу?

– Тут нужен специалист по истории Франции или хотя бы местный житель, – сказал Сергей-младший, а потом, поднявшись на ноги, крикнул: – Ванесса, иди сюда, пожалуйста, ты нам нужна!

Старшая жена доктора Блохина подошла через пару минут, и вместе с ней подтянулись медсестры-практикантки.

– Добрый вечер, месье командиры, – вежливо поздоровалась Ванесса Блохина-Нуари с присутствующими и спросила: – Слушаю тебя, Серж, что ты хотел мне сказать?

– Мы хотели бы знать, какие войны в период после падения Римской империи и до наших дней шли на территории Аквитании – в частности, в окрестностях Бордо, и, соответственно, каких враждебных пришельцев Посредник может сбросить на наши головы? – спросил младший прогрессор.

Немного подумав, девушка ответила:

– В двадцатый, девятнадцатый, восемнадцатый и семнадцатый век никаких сильных военных действий в Аквитании не было. По-русски в военном смысле это называется «захолустье». Даже так называемый «движение федералист» во время Великой Революции в Бордо был подавлен мирным средством. Одиночный беглец от революционный террор, как Виктор де Лэгран, быть может, а крупный отряд нет. Тогда в Бордо казнил всего сто человек. Шестнадцатый век хуже. В Бордо был свой маленький Варфоломеевская ночь, католик резал гугенот. Но и только. Беглец от погрома быть может, а большой отряд нет. Пятнадцатый век – в Бордо, в битва при Кастильон, кончался Столетний война. Местный население поддерживал Англия, а победил Франция. Англичане убежать, а француз их ловить. Крупный отряд быть не может, сила сторон быть маленький, потому что все устал от война. Четырнадцатый и тринадцатый век много маленький война Англия против Франция. Небольшой отряд наемник ходил туда-сюда. Потерявшийся банда может прийти, и никто о ней не вспомнить. Девятый век – два раза набег викинг на Бордо. Восьмой, седьмой и шестой век Аквитания воевал франк, араб, вестгот и бургунд. Известный факт – битва при Пуатье. Но от нас это далеко. Как там быть, точно я не сказать. Это было давно. Пятый век – римский император отдать Аквитания под поселения вестгот. Все.

– Картина маслом понятна, – сказал лейтенант Гаврилов, когда французенка замолчала. – При таком раскладе брать нас Посредник может только численностью нападающего отряда или количеством атак с разных сторон. Патроны к нашим автоматам и пулеметам закончатся довольно быстро, а потом придется переходить на вооружение с американского парохода. Боеприпасы – это вообще наша главная проблема, и экономить их придется очень жестко, чтобы в критический момент не остаться безоружными.

– Основной груз американского парохода, процентов семьдесят, это винтовочные патроны, которые подходят и к «люськам», и к станкачам Браунинга, – сказал Сергей-младший. – Патронов к дробовикам значительно меньше, а пистолетных – только самый мизер. А станкач при грамотном использовании – это еще та сенокосилка. Например, римский отряд Андрей Викторович, Сергей Петрович и дед Антон положили перекрестным огнем трех станкачей, да так, что потом для капитуляции выживших потребовалась только самая минимальная доработка напильником.

– А вот это, товарищи, вполне здравая мысль, – воздел вверх указующий перст поручик Авдеев. – Против любого отряда из указанных времен фланкирующий огонь из станкачей будет просто чудодейственным средством... и неважно, сколько окажется врагов: пятьсот или пять тысяч, а также пешими они будут или конными. Все полягут как один, особенно если аквилонские товарищи сделают хотя бы несколько тачанок, чтобы активно маневрировать огнем на поле боя.

– Тачанки – это вряд ли, – покачал головой младший прогрессор, – производство гнутых колес наши мастерские еще не освоили, да и стальные рессоры пока в дефиците, но вот несколько газогенераторных автомобилей с установленными на них пулеметами я вам гарантирую. Появились у нас такие в некотором количестве после разгрома отряда Петеновских коллаборантов, некоторые даже в полугусеничном исполнении.

– Все это хорошо, – хмыкнул лейтенант Гаврилов, – но станкачи всеильны только на открытой местности, а в лесу их действие обнуляется.

– В указанные века все сражения проходили только на открытой местности, ибо в лесу невозможны действия сомкнутым строем, – возразил подпоручик Акимов, – а еще он лишает ударной силы кавалерию. В лучшем случае на опушке леса ставили лучников, чтобы те в случае прямой атаки на их позиции могли отступить под защиту деревьев. Строиться к бою противник будет на поляне или прибрежном лугу, где за пулеметами будет решающее преимущество. Нашей задачей в таком случае будет не дать разгромленному отряду разбежаться по окрестностям, спрятавшись в тех же лесах. Проще предотвратить геморрой, чем потом долго и нудно его лечить.

– Товарищи, – сказал капитан-лейтенант Голованов, – мне кажется, что мы опять забегаем вперед и говорим не о том.

– Да нет, товарищ капитан-лейтенант, как раз-таки о том, – возразил Сергей-младший, – лучше заранее выработать тактику, исходя из возможных угроз, чем потом лихорадочно думать о том, что нужно делать в том или ином случае, и в спешке готовить необходимый инструмент. И еще: с временным характером вашего подразделения нужно заканчивать, поэтому, в силу данных мне от лица Верховного Совета чрезвычайных полномочий, я назначаю товарища Гаврилова постоянным командиром роты морской пехоты и присваиваю ему звание капитана аквилонской армии. До парада тщеславия персональных воинских званий мы еще не доросли, поэтому чин у нас пока намертво сцеплен с должностью. Взводный командир – это у нас всегда лейтенант, ротный – капитан, батальонный – майор. Василий Андреевич, найдется у вас во взводе человек, которого с полной ответственностью можно будет назначить его командиром?

– Да, – ответил новопроизведенный капитан Гаврилов, – мой заместитель мичман Сердюк.

– Значит, будет лейтенант Сердюк, – кивнул младший прогрессор. – И еще. Взвод бывших лейб-гусар на постоянной основе присоединяется к роте капитана Гаврилова, соответственно, вахмистр Терехов получает звание лейтенанта, а моряков с «Аскольда» я своей властью присоединяю к команде «Медузы», как и собственно команду подводной лодки. Подобное требуется класть к подобному.

– А как же наша «Малютка»? – спросил капитан-лейтенант Голованов.

– А насколько у нее хватит топлива, товарищ Голованов? – вкрадчивым голосом вопросом на вопрос ответил Сергей-младший.

– Топлива хватит миль на пятьсот – и все, баки будут сухие, – ответил капитан-лейтенант.

– Вот именно, – сказал младший прогрессор, – пятьсот миль при наших масштабах – это вообще ни о чем. Поэтому с вашей «Малютки» необходимо снять орудие, радиостанцию и прочие нужные вещи, после чего, задрав люки, оставить подводный корабль на якоре у какого-нибудь уединенного каменистого островка. Будет возможность найти топливо – мы за ней вернемся, а если нет, то нет, вопросов нашей жизни и смерти этот подводный корабль не решает. А вас, товарищ Голованов, после прибытия в Аквилонию сразу же назначат главнокомандующим всего нашего речного флота и капитаном нашего старого доброго коча «Отважный». Прежде им командовал лично товарищ Грубин, но теперь, с расширением масштабов нашей деятельности, у него не остается возможности надолго покидать главное поселение. Водоизмещение восемнадцать тонн, осадка от метра до семидесяти сантиметров и газогенераторный движок позволяют этому кораблику подниматься до самых верховьев местных рек. Кстати, если нападение на Аквилонию произойдет в тот момент, когда «Отважный» будет находиться дома, то пару установленных на нем пулеметов надо будет плюсовать к общей огневой мощи. Пока это у нас один корабль такого типа, но постройка верфи уже запланирована, а значит, в обозримом будущем в нашем речном флоте будет пополнение. Вы же по первому образова-

нию речник – вам и карты в руки во всем этом хозяйстве. Устроит вас такая карьера в нашем обществе или поискать другие варианты?

– Да нет, товарищ Петров, – усмехнулся капитан-лейтенант Голованов, – других вариантов не надо. Сам много раз говорил, что каждый бывает незаменим на своем месте – и вот оно, это место, вполне достойное, нашлось для меня самого. Должен сказать, что командование объединенным отрядом я сдаю капитану Гаврилову с легким сердцем, ибо задача довести нашу группу к месту встречи с вашим аквилонским фрегатом была нами выполнена с самыми минимальными потерями.

– Ну, тогда на сегодня на этом все, – сказал Сергей-младший. – Поздно уже. Солнце почти село, и пока окончательно не стемнело, нам и нашим людям надо успеть вернуться на «Медузу».

18 (7) февраля 1773-го года от Рождества Христова. Полдень. Эгейское море к северу от острова Миконо, 54-пушечный линейный корабль русского императорского флота «Азия»⁶.

Русский линейный корабль «Азия» погибал в объятиях внезапно налетевшего жестокого шторма. Еще час назад ничего не предвещало особой беды: погода была обычной для зимнего Средиземноморья, то есть плохой. Низкое серое небо, секущий ледяной дождь, порывистый северный ветер, противный генеральному курсу – все это что вынуждало «Азию» идти галсами, попеременно правым и левым бейдевиндом⁷, то прижимаясь к берегу острова Тинос, то уходя от него в восточном направлении. При поворотах оверштаг⁸ корпус парусного линкора скрипел, будто жалуясь на нелегкую судьбу, но на корабле это никого не пугало. Это был еще не сам шторм, а просто свежая погода (6–7 баллов по шкале Бофорта) – в противном случае линкор не покинул бы защищенную от северных ветров бухту острова Миконо, дождавшись более благоприятных условий.

Но постепенно ветер крепчал, все сильнее завывая в снастях голодным демоном, волны вокруг корабля покрывались шапками пены, а дождевые капли секли людские лица подобно шрапнельным пулям. Но и это еще было не самое страшное. Северо-восточный шквал налетел внезапно, когда «Азия», в очередной раз приближаясь к берегу острова Тинос, готовилась к правому повороту. Корабль со страшным скрипом критически накренился: казалось, он вот-вот ляжет мачтами на воду, – и как раз в этот момент бизань-мачта с треском переломилась у самой палубы, рухнув за борт. Центр тяжести линкора понизился, и тот нехотя начал выходить из опасного крена. И почти сразу матросы с топорами наперевес кинулись рубить удерживавшие бизань снасти: если в шторм мачта как привязанная продолжит болтаться за бортом, то через самое короткое время она разобьет его будто тараном. Едва они успели справиться с этой задачей, как оторвавшаяся бизань скрылась в волнах позади, и последовала команда «к повороту». Командир линкора капитан первого ранга Толбузин принял решение развернуть свой корабль обратно к острову Миконо, ибо из трюма доложили о быстро усиливающейся

⁶ После крушения линкора «Азия» к берегу прибило только сломанную бизань-мачту и несколько мелких обломков, но ни одного тела моряка с пропавшего корабля. В обычных условиях так не бывает. Когда линкор покидал базу на острове Миконо, на борту находилось триста пятьдесят человек команды, чьи тела примерно через сутки обязательно стало бы выкидывать на берег.

⁷ Бейдевинд (от нидерл. *bij de wind*) или на ветер – курс, при котором угол между направлением ветра и направлением движения судна составляет более 45 градусов и менее 90 градусов). Тяга паруса при бейдевинде целиком определяется его подъемной силой, при увеличении давления ветра сила тяги уменьшается, зато возрастает сила дрейфа. Таким образом, на этом курсе парус, устанавливаемый с минимальным углом атаки к выпельному ветру (5–10 градусов), работает полностью как аэродинамическое крыло.

⁸ Оверштаг («дословно» с нидерл. – «через штаг») – термин, означающий способ смены галса на парусном корабле, при котором его нос какое-то время повернут в сторону, откуда дует ветер. При оверштаге парус, проходя через встречный ветер, плавно переходит с одной стороны на другую.

течи в корме, что в сочетании со штормом не сулило линкору ничего хорошего. Обломившая мачта хоть и спасла корабль от немедленного опрокидывания, но успела натворить опасных дел. У командира имелась надежда (на самом деле тщетная), что с попутным ветром удастся быстро вернуться в точку отправления, прежде чем линкор полностью потеряет плавучесть и затонет.

Но повернуть на обратный курс «Азии» было уже не суждено. Примерно в радиусе мили море вокруг линкора вдруг озарилось ярчайшей вспышкой, и вслед за тем оно стало стремительно проваливаться куда-то вниз, одновременно раздаваясь во все стороны ревущими пенными потоками. Исполинская волна, по сравнению с которой пресловутый девятый вал выглядит мелкой рябью, подхватила несчастный корабль и с размаху швырнула на неожиданного близкий берег, поросший густым лесом. Раздался страшный грохот и треск ломающегося корпуса – и в этих звуках утонули предсмертные крики искалеченных моряков и отчаянные молитвы выживших. Водяная подушка смягчила удар, а стволы деревьев, между которыми застрял разбитый корпус линкора, не дали воде унести его обратно в море. Для стороннего наблюдателя картина была бы фантазмагорической – накренившийся корабль лежал на склоне холма на высоте пятидесяти метров над уровнем моря, в полумиле от береговой черты.

2 июня 3-го года Миссии. Воскресенье. Утро. Берег острова Тинос.

Когда начался шторм, его высокоблагородие капитан первого ранга Никифор Васильевич Толбузин привязал себя линем к ограждению шканцев, и лишь поэтому в момент катастрофы не вылетел за борт, хотя и сильно приложился об это самое ограждение головой. Последнее, что он помнил из прошлой жизни – стремительно смыкающийся над головой в ласковой голубизне серый круг неба бывшего мира и ощущение палубы, проваливающейся под ногами в тартарары. Открыв глаза, он увидел над головой все то же безмятежное голубое небо. «Так вот ты какой, рай!» – подумал он в тот момент. Впрочем, когда ему удалось поднять гудящую голову и оглядеться, то выяснилось, что все остальное на райские кущи совершенно не тянет. Палуба корабля была перекошена на левый борт и завалена обломками – впрочем, не настолько, чтобы по ней нельзя было ходить. Фок-мачта рухнула за борт и, запутавшись в такелаже, застряла в вершинах окружающих сосен. Грот-мачта была обломлена на уровне грот-марса-реи⁹, и теперь обломки рангоута вместе с взятыми на рифы парусами бессильно висели на такелаже или загромождали собой палубу внизу.

Капитану первого ранга показалось, что на марсе грот-мачты кто-то шевелится. Точно – марсовый: как и командир, тот привязался к мачте линем, и потому уцелел. С трудом опираясь на дрожащие руки, командир линкора поднялся на ноги и огляделся. Более никого. Даже рулевого нет за штурвалом, хотя он должен был привязаться к мачте. Всю остальную палубную и парусную команду взяло к себе беспощадное море. Должно быть, в тот момент, когда исполинская волна бросила линкор на берег, люди с его палубы улетали за борт будто тряпичные куклы.

– Эй ты! – крикнул каперанг Толбузин вверх. – Как там тебя зовут?

– Матрос первой статьи Прошкин, ваше высокоблагородие! – отозвался марсовый.

– Слезай сюда, Прошкин, – скомандовал капитан первого ранга. – Нечего тебе делать на марсе, отплавались мы уже.

– Чичас, ваше высокоблагородие... – ответил матрос, – вот только отвязжусь, и сей же час спущусь...

Пока он отвязывался и, перебирая ногами, спускался по вантам вниз, в палубе со скрипом открылся задраенный на время шторма люк, и из него показалась коротко остриженная голова матроса.

⁹ На марса-реи (фок, грот и бизань) крепится второй ярус парусов, называемых марселями.

– Братцы! – завопил он, увидев стоящего на мостике командира линкора. – Его высокоблагородие господин Толбузин живой. Ура командиру!

Следом за ним наружу полезли и другие в парусиновых штанах и полосатых морских рубашках, дав Толбузину убедиться, что в трюмной и артиллерийской команде уцелели многие, если не все (хотя все это вряд ли, ибо в тот момент, когда исполинская волна швырнула линкор на берег, в низах тоже наверняка творился суший ад). Выживших – точнее, тех, кто мог стоять на ногах и выбрался из трюма наружу – и в самом деле оказалось немало. Среди собравшихся на покосившейся палубе в ожидании командирского слова присутствовали вахтенные начальники лейтенант Иван Балашов и лейтенант Владимир Касаткин, вахтенный офицер мичман Анатолий Некрасов, штурман Глеб Никифоров, корабельный секретарь Петр Бородин и констапель¹⁰ Валерьян Зыков. Также к офицерскому составу можно было причислить корабельного священника отца Макария и корабельного врача, немца на русской службе, Манфреда Юнге.

Перегнувшись через ограждение шканцев, командир спросил:

– Братцы, а где мой помощник капитан-лейтенант Иннокентий Бирюков?

– Так пушкой его придавило, ваше высокоблагородие, – ответил один из матросов. – И не мучился – считай, сразу отошел. И его благородие корабельного комиссара Романа Кочеткова убило прямо головой о борт. Есть еще живой его благородие мичман Георгий Беликов, но они выйтить наверх никак не могут: у него одна нога сломатая и ребра дюже помяло...

«Потери как после тяжелого сражения... – подумал капитан первого ранга Толбузин, – крушение, одним словом. И вообще непонятно, что это было и где мы сейчас находимся... Там была зима, февраль, а тут солнышко в небо поднимается и припекает вполне по-весеннему. Загадка, однако... Да такая, что не по силам человеческому уму...»

– Значит так, братцы, – сказал он поставленным командирским голосом, желая подбодрить людей, – мы живы, и будем делать все, чтобы жить дальше. Сейчас первым делом необходимо спустить шторм-трап и осмотреть место, куда нас забросило. Быть может, из тех, кто выпал за борт, еще остались живые. Командовать наземной партией будет лейтенант Балашов. Остальные, под командой лейтенанта Касаткина, начинают разбирать обломки и выносить из низов на палубу раненых да мертвецов. Первых – для лечения господином доктором Манфредом Юнге, а вторых – для отпевания отцом Макарием и последующего пристойного христианского погребения. Пусть нашей «Азии» никогда не доведется больше выйти в море, но порядок на корабле должен быть всегда.

Там же и почти тогда же, полдень.

Спустившись по штормтрапу на твердую землю, командир «Азии» со вздохом посмотрел на свой корабль. Дрова, они и есть дрова. Корпус от удара деформировался, доски обшивки в районе днища разошлись. Как доложили корабельные плотники, килевая балка треснула в нескольких местах. Одно радует: крюйт-камера уцелела, и порох в просмоленных бочонках остался не подмоченным.

Все остальное гораздо хуже. Почти половина команды погибла в момент крушения. Тех, кого выбросило за борт при ударе корабля о землю, находят на берегу по большей части мертвыми. Их складывают рядами на небольшой поляне чуть ниже по склону – там матросики уже наметили заступами контуры братской могилы. Туда же их товарищи, назначенные в похоронные служители, сносят погибших в трюме. Еще человек семьдесят искалечены настолько тяжело, что вряд ли оправятся. Доктор Юнге говорит, что при таких травмах его медицинское искусство бессильно, и можно только молиться Всемогущему Богу, чтобы тот явил чудо. И только два десятка страдальцев имеют шанс пойти на поправку, если не будет никаких ослож-

¹⁰ Самый младший чин в морской артиллерии.

нений, вроде Антонова Огня. А то бывают случаи, когда ранения выглядят совсем неопасными, а человек сгорает в муках за несколько дней.

Собрав своих офицеров, капитан первого ранга Толбузин заявил:

– Господа, у меня нет ответов на все вопросы, что вы хотите мне сейчас задать, кроме одного. Что бы еще ни случилось, мы честно и гордо будем нести звание моряков русского военного флота. Иное исключено. В наихудшем случае мы силами команды построим себе корабль из местного леса и самостоятельно выберемся из этого странного места – неважно, сколько на это уйдет времени, год или два – а Господь нам в этом поможет. Так и говорите своим людям: мы русские, мы справимся. Иван Петрович (*лейтенант Балашов*), по смерти Иннокентия Николаевича (*капитан-лейтенант Бирюков*), вы теперь будете исполнять должность моего помощника. Первым делом необходимо продолжить разведку местности. Пустите людей вдоль берега – ведь должны же быть там хоть изредка рыбацкие деревни. У местных жителей по их обнаружению следует выяснить, что это за земля, какому государству принадлежит, и бывают ли тут русские корабли. И еще. Накажите старшим команд, чтобы с жителями этих мест вели себя дружелюбно, мужиков на драку не задирали и к бабам не приставали, а буде что понадобится – пусть платят за все звонкой монетой, дабы учиненными безобразиями не позорить государыню-императрицу Екатерину Алексеевну. Задание понятно?

– Так точно, Никифор Васильевич, понятно, – ответил лейтенант Балашов. – Не извольте беспокоиться, сделаем все в самом лучшем виде.

– А вам, Владимир Иванович, – обратился командир к лейтенанту Касаткину, – следует обеспокоиться постройкою фортеции с казармами и береговой батареей. На то, что нас забьют отсюда вскоре после того, как удастся сообщить адмиралу Грейгу о нашем бедственном положении, можно только надеяться, а вот готовиться следует к тому, что мы здесь застрянем надолго. К этой мысли меня побуждает то соображение, что гигантская волна могла забросить нашу «Азию» на берег, но она никак не могла кинуть нас из зимы в лето. Сего попросту не может быть, просто потому что не может быть... но факт, наблюдаемый нашими собственными глазами, при этом неоспорим.

– Но почему тогда вы, Никифор Васильевич, отдали это свое распоряжение в отношении местного населения? – спросил мичман Некрасов. – Если мы оказались незнамо где, то тогда уже можно все.

– А потому, Анатолий, – ответил Толбузин, – что честное имя русского военного моряка необходимо хранить всегда и везде. Бог смотрит на нас с небес – и чисты мы, в первую очередь, должны быть перед Ним и своей собственной совестью, а не в глазах людской молвы.

6 июня 3-го года Миссии. Четверг. Девять часов утра. Эгейское море у побережье острова Тинос, фрегат «Медуза».

Операция по эвакуации в заливе Сувла прошла успешно, без накладок или задержек – уж очень серьезную подготовительную работу проделали товарищи командиры и их добровольные помощники из числа местных знахарок, которым довелось выжить в британском плену.

Получив на вооружение трофейные британские лопато-мотыги, по эффективности превосходящие палки-копалки каменного века в несколько раз, эти женщины извели в окрестностях почти все растения чемерицы и дягиля, а также дикий чеснок и лук. Помимо этого, местные дамы обобрали с прошлогодних кустов репейника засохшие соцветия, проредили заросли багульника в подлеске и ободрали с нижних ветвей окрестных сосен тронувшиеся в рост молодые побеги. В качестве посуды для изготовления настоек и отваров использовались трофейные британские котелки, ведь бывшим хозяевам они были уже без надобности.

Водные настои применялись преимущественно при мытье волос, а смеси на основе свиного жира – для обработки одежд из сыромятной кожи. Ради получения необходимого жира охотники, регулярно выходящие на промысел ради добычи пропитания, получили особый

заказ на истребление хрюкающих. Мясо шло в котел, а смалец и сало употребляли для изготовления снадобий для борьбы с платяными вшами на кожаных изделиях. Обмундирование из ткани стирали, пропаривали в бане и дополнительно обрабатывали водными настоями и отварами.

Кроме того, поступило указание (от Марины Витальевны) остричь весь мужской и женский личный состав наголо во всех местах, кроме головы, чтобы без лишних хлопот раз и навсегда избавиться хотя бы от лобковых вшей, тем более что в Аквилонии так принято, особенно среди женщин. Ручные машинки для стрижки по одной штуке на отделение имелись во всех трех взводах морской пехоты – и их личный состав дисциплинированно выполнил указание. С женщинами было сложнее. Капитан-лейтенант Голованов просто не представлял себе, каким образом он доведет до них это распоряжение.

Но выход нашелся. Сначала лейтенант Чечкин в бане лично обработал свою супругу, объяснив ей, для чего это надо и насколько красивее выглядит женщина, не обремененная излишними зарослями в паху и под мышками, а уже потом леди Наталья, вооружившись машинкой, самостоятельно принялась распространять среди дам новую моду. И прежде, купаясь в бане или обрабатывая свою одежду от насекомых, женщины из невооруженного тылового подразделения совершенно не стеснялись разоблачаться до костюма Евы, но теперь это зрелище приобрело законченное эстетическое совершенство. Непривычные к таким картинам мужчины краснели и отводили взгляды, даже не догадываясь, что это еще только цветочки по сравнению с тем, что ждет их в Аквилонии.

В результате всех предпринятых усилий санитарное состояние контингента, погруженного на «Медузу» в заливе Сувла, доктор Блохин признал удовлетворительным, близким к хорошему. Большая часть задержки была вызвана перевозкой на борт конского поголовья вкупе с некоторыми запасами фуража, да трофейного британского имущества, вплоть до последнего гвоздя. Сергей-младший распорядился брать все, ведь тут, в Каменном веке, никогда не знаешь, когда может понадобиться та или иная вещь. Особый интерес вызывал трофейный шанцевый инструмент: топоры, лопаты, кирки и кирко-лопаты, а также колюще-режущие предметы (ведь в них не могут закончиться патроны) и значительно меньший – пулеметы, винтовки и револьверы, к которым не подходили боеприпасы с американского парохода. Впрочем, любое огнестрельное оружие, даже с ограниченным боекомплектom, да хоть кремневые ружья – все одно вещь ценная, и подлежит обязательному вывозу.

В последний день пребывания «Медузы» в заливе Сувла, второго июня, с Лидой Голубкиной произошла давно ожидаемая, но тем не менее очень интересная история. Дело было вечером. Только что через санитарный контроль прошло последнее отделение советских морских пехотинцев, на чем работа медсестер-практиканток на этом месте закончилась. Дружной стайкой они вышли под открытое небо из большой палатки, сворачивать которую уже не их работа, и, помыв у рукомойника руки, огляделись вокруг. Покинутый лагерь выглядел пусто и сиротливо. От шалашей-типи остались только скелеты из жердей, ибо покрывавшие их шкуры, промазанные жировым составом против насекомых, давно свернули и убрали в нижний трюм «Медузы». Не дымила больше своей трубой баня, а в речке рядом с ней не плескались разгоряченные жаром и паром мужские (а иногда и женские) обнаженные фигуры. Пепельными проплешинами зияяли на берегу обложенные камнем остывшие кострища (а ведь еще совсем недавно там готовилась еда на две с лишним сотни обитателей этого лагеря). Зато морской бриз доносил запах вкусного дымка со стороны стоящей на якоре «Медузы». Там, в трюме уже несколько дней функционировал большой камбуз, оборудованный с соблюдением всех мер противопожарной безопасности, необходимых на деревянном корабле. Именно туда, к сытному ужину и привычному уюту своей каюты, девушки отправятся сразу, как за ними придет шлюпка.

И в этот момент к их компании раскованной походкой подошли три урожденные «волчицы»: две матроски и одна солдатка с висящим за плечом помповым дробовиком. Лица у всех троих уверенные, и даже, можно сказать, дерзкие, при том, что все трое – красавицы спортивного вида. Там, дома, в двадцать первом веке, домашняя девочка Лидия Голубкина наверняка испугалась бы подобной встречи, ибо ничего хорошего она бы ей не сулила. Но тут все было иначе. Все знали, что ни одна «волчица» не причинит вреда гражданским, которых она перед лицом Великого Духа поклялась защищать.

И все же Лида принялась нервно переминаться с ноги на ногу.

– Я Тана, – обращаясь к Лиде, сказала солдатка грубоватым голосом, – а это мои подруга Ила и Рено. Мы хотел с тобой серьезно поговорить.

– Да, – подтвердила Ила, – мы говорить про очень важное дело. Но это не должен слушать посторонний уши, а потому идем.

– Ты не бояться, – добавила Рено, видя колебания девушки, и улыбнулась, обнажив ряд белых ровных зубов, – мы не делать тебе плохо, а дружить с нами будет очень хорошо. Разговор очень важный, идем.

– Ну хорошо... идемте, – наконец ответила Лида. – Только недалеко.

– Не надо далеко, – кивнула Тана. – Мы будем рядом и говорим тихо.

– Ну что, девочки, говорите, что хотели? – сказала Лида, когда они шагов на двадцать отошли от компании медсестер-практиканток, настороженно глядя на девиц.

– Мы хотел твой друг Александр Бояринцев, – сказала Ила. – Мы видел, что вы много говорил.

– Так... это что же? – вскипела Лида. – Вы, значит, хотите сказать, что я должна отвязнуть, сгинуть и больше никогда не подходить к Александру Яковлевичу?

– Нет-нет! – замахала руками Тана. – Ты нас неправильно понял, Лида! Мы хотел, чтобы ты был наш старший сестра. Ты красивый, умный, сильный, только твой сила не снаружи, а внутри. Ты никогда не плакал, как другой, и это хорошо! Ты будешь в наш семья душа, а мы – твой опора и друг!

Лида никогда не считала себя ни особенно красивой, ни особенно умной, ни тем более особенно сильной, а потому, услышав такой панегирик в свой адрес, изрядно удивилась. Впрочем, «душой компании» ее называли часто. Однако, одно дело – ни к чему не обязывающее общество подружек, и совсем другое – групповой поход замуж за интересного, но пока мало-знакомое человека, в компании еще менее знакомых девиц местного происхождения... Эти трое выжили в таком кошмаре, который просто не уместится в голову цивилизованного человека, но не сломались и не зачерствели, а вместо того, едва отогрешившись в руках аквилонских вождей, возжелали себе обоюдной любви с хорошим мужчиной, дружной семьи с множеством нареченных сестер и много умных и красивых детей. Лида знала, с кого берут пример эти трое, и догадывалась, какую роль они прочат ей в своих планах. Но при этом ей даже в голову не приходило сравнивать себя с такими столпами местного женского общества, как леди Ляля и леди Лиза, хотя две эти матроны-основательницы были старше ее всего на три-четыре года.

– Но, девочки, – попыталась отнекаться она, – я же еще слишком молода для замужества...

– Это совсем неважно, – безапелляционно отрезала Рено. – Ты делать предварительный брак, а мы с девочки – окончательный. В Аквилонии есть такой обычай. Молодой основатель Антон – предварительный мужчина восемь младший девочка. Виктор Легран – предварительный мужчина девочки Шайлих.

– Когда мы вернуться, – сказала Ила, – ты и наш будущий муж получить полный гражданство, потому что вы все делал хорошо. Тогда Сергей Петрович будет делать праздник и объявить свободный охота на новый гражданин, чтобы его мог выбрать любой свободный жен-

щина. Если мы договорился делать семья сейчас, то Александр будет наш добыча, потому что есть договор, а если нет, то любой выйти и сказать, чтобы он был ее мужчина. Мы так не хотел.

– Наш будущий муж станет большой человек, – продолжила Тана с торжественно-заговорщическим выражением, – и желающий стать его женщина будет много. Мы говорить с тобой, а ты говорить с Александр, и тогда на свободный охота он сказать, что у него уже есть семья. Ты его любить, мы видеть, и мы его любить тоже. Договорился, Лида?

– Кхм-кхм... знаете что, девочки... – с сомнением произнесла Лида, – я подумаю над вашим предложением... Это все, что я могу вам обещать. Уж слишком все это неожиданно. Раз-два – и замуж. Хотя не стану отрицать, что Александр Яковлевич мне очень нравится, и я совсем не против стать его женой, но не прямо сейчас, а в некотором будущем, когда я сама подрасту и повзрослею.

– Будущий наступит быстро, – сказала Ила, – потому что внутри себя ты уже взрослый. Из тебя получился хороший старший жена, и ты нам нравился. Мы плакать, если ты сказать нам нет.

Лида вдруг покраснела и сказала:

– Вы мне тоже очень нравитесь, девочки, и я хотела бы, чтобы вы стали моими сердечными подругами. Ведь именно с этого начинается обычная аквилонская семья, не правда ли?

– Да, это правда, – сказала Тана. – Сюда идти шлюпка, а это значит, что тебе пора, Лида. Потом мы встретиться и говорить еще, а сейчас в знак дружбы и приязни мы будем тебя обнимать и целовать. Мы любить тебя, а ты любить нас!

По очереди обнимаясь с «волчицами» Лида подумала, что тела у них жесткие, как из камня, но зато сердца живые и горячие – не то что некоторые девицы: нежные как лилии, но не умеющие ни любить, ни дружить, потому что в груди у них вместо сердца холодный кирпич.

Уже на фрегате, после ужина, Лида подошла к Ванессе и вполголоса поведала ей свою ситуацию.

– Все это правда – и про предварительный брак, и про свободную охоту, и про силу предварительный договоренность, – немного подумав, ответила та. – Возможно, мадмуазель Лидия, тебе сделали самое лучшее предложение, какое только возможно в подобных условиях. Девочки не стали пытаться оттеснить тебя плечом в сторону, а вместо того честно пригласили в старшие жены. Я еще поговорю со своими подругами Алаль и Сиси, но и без их совета мне известно, что Тана, Ила и Рено у вождей на добром счету. Это все, что я могу тебе сказать. Остальное реши сама.

Утром третьего числа, поймав парусами береговой бриз, «Медуза» снялась с якоря и в сопровождении «Малютки» совершила короткий переход до острова Самофраки, став на якорь в виду его восточной оконечности. Там предстояло принять на борт греческих беглецов от резни на острове Самофраки, из которых взрослыми женщинами и зрелыми девушками в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет были сорок восемь человек, а остальные представляли собой подростков обоих полов и детей. И вот тут возник затык: гречанки из начала девятнадцатого века наотрез отказались раздеваться перед посторонними и проходить медосмотр, при этом старейшина Георгиос Агеластос ничего не мог с этим поделать. Когда, уперев руки в боки, бунтуют бабы, обезумевшие от непривычного, это попросту страшно.

И тогда для поддержания порядка Сергей-младший спустил на берег весь свой взвод «волчиц», а Раймондо Дамиано добавил к ним полсотни синьорит-маринайо. Мужчинам-морпехам усмирять бабье возмущение просто неуместно, но один вид мрачных и до зубов вооруженных амазонок сразу привел в чувство беспокойных самофракиек, тем более когда им объявили, что не прошедшие через медицинскую палатку останутся на месте и никуда не поедут. Вот тут при осмотре хватало и личной антисанитарии, и вошек во всех их трех разновидностях – и это несмотря на то, что «Малютка» несколько раз доставляла греческому контингенту все необходимое для борьбы с этой напастью. Вот она, разница между структурированным под-

разделением, в которое превратила подчиненных ей местных женщин Наталья Чечкина-Монидис, и неорганизованной толпой штатских баб, где каждая женская особь сама по себе.

– Было у нас уже такое однажды, – сказал младший прогрессор, имея в виду историю с взбунтовавшимися в самом начале женщинами клана Лани.

Приняв единственно верное в такой ситуации решение, он распорядился вшивых стричь наголо во всех местах, мыть подогретой на костре водой из ведра, раз уж нет бани, и переодевать в выстиранное и протравленное трофейное британское обмундирование. После такой санитарной обработки гречанки поступали в полное подчинение леди Натальи, чтобы та со своим дружным коллективом привела их в чувство. А тех, кто не захочет подчиниться этим разумным и взвешенным распоряжением, силой на веревке никто тащить в Аквилонию не будет, и они навсегда останутся на Самофраки, раз уж вошки-блошки им дороже спасения жизни.

И дело пошло, пусть даже под слезы и крики отмываемых и обстригаемых, ибо «волчицы», стоявшие на подхвате у медсестер-практиканток, были неумолимы. Кстати, пока все это происходило, возле Лиды Голубкиной недвижимыми изваяниями стояли ее будущие сестры-собратницы, и их суровый вид принуждал к приличному поведению даже самых завзятых скандалисток. Они сами однажды прошли через подобную процедуру, и не считали, что в ней есть что-то зазорное. Волосы у женщин рано или поздно отрастут, зато, такие остриженные и переодетые, они будут чувствовать себя полностью порвавшими с прежней жизнью. Впрочем, завшивленную одежду эвакуируемых Сергей-младший распорядился не выбрасывать, а наглухо зашить в плотные полотняные мешки, пересыпав сухими травами с инсектицидным действием. Гречанки получают обратно свои платья и кофты уже в Аквилонии – выстиранными и прожаренными в сушилке для дерева.

На всю эту деятельность ушел весь день третьего июня до вечера, а рано утром четвертого, еще до восхода солнца, «Медуза» и «Малютка» выбрали якоря и направились к выходу из Саросского залива. Подводную лодку было решено оставить там, где станет понятно, что на следующий переход у нее уже не хватит топлива. Впрочем, оружие-сорокопятка еще в заливе Сувла переместилось на бак «Медузы», как страховка на случай разных недружественных встреч.

В полдень того же числа путешественники обогнули мыс Фарос (крайнюю западную точку полуострова, образованного вышедшими на поверхность островами Имброс, Мудрос и Тенендос), но не стали там останавливаться, а взяли курс точно на юг с небольшим склонением к западу, чтобы около шести часов вечера бросить якорь у небольшого острова Айос Евстратиос. Рано утром пятого числа поход продолжился, и за этот день, двигаясь точно на юг, корабли достигли северной оконечности острова Андрос, во времена Каменного века составлявшего один массив с расположенным южнее островом Тинос.

Именно во время этой якорной стоянки Лида Голубкина улучила момент, чтобы представить предмету своего сердца новых подруг. Мол, вот, Александр, знакомьтесь, эти девушки хотят все сразу стать вашими законными женами, и меня тоже зовут в свою компанию на роль старшей жены в коллективе. Теперь, по законам и обычаям Аквилонии, решение за вами – принять это предложение или отказаться.

Майор с некоторым обалдением посмотрел сначала на Лиду, потом на трех диких кошек в человеческом облике, но отказываться сразу ни от чего не стал. Подсознательно он был уже готов к чему-то подобному, только не думал, что такое сватовство случится еще до завершения похода.

Утром шестого июня поход продолжился, и все шло как обычно до девяти утра, когда впередсмотрящие с марса на фок-мачте доложили, что видят поднимающийся на берегу столб серого дыма. Прошло совсем немного времени, и вот уже по правому борту открылся выброшенный далеко на берег корпус большого деревянного корабля, превосходившего «Медузу»

своими размерами раза в два, а на прибрежном холме, над которым развевался большой Андреевский Флаг, сустились люди. Это и была самая главная деталью происходящего, сигнализирующая о том, что крушение тут потерпели не турки, англичане или французы, а соотечественники Основателей.

6 июня 3-го года Миссии. Четверг. Утро. Берег острова Тинос, место крушения линкора «Азия».

Фрегат, что под всеми парусами двигался в южном направлении на некотором удалении от берега, наблюдатели, выставленные на берегу лейтенантом Балашовым, обнаружили за час до того, как он должен был выйти на траверз места крушения. Немедленно по команде была объявлена тревога, а на наблюдательном посту собрался весь офицерский состав потерпевшего крушение линкора, включая командира капитана первого ранга Толбузина.

Минувшие четыре дня отнюдь не добавили ясности в положение русских моряков. Никаких рыбацких поселений на берегу обнаружить так и не удалось, а небольшая группа местных жителей, на которую один из разведывательно-охотничьих отрядов случайно наткнулся в глубине острова, была одета в звериные шкуры и вооружена копьями без наконечников. С аборигенами разошлись мирно, хотя и без особых выражений симпатии. Охотники Каменного века просто побоялись связываться с численно превосходящими оппонентами, а для русских моряков действовал приказ командира не закидывать местных жителей. За эти же четыре дня умерла большая часть раненых, чьи травмы в местных условиях выглядели несовместимыми с жизнью, а также некоторая часть тех, кто сразу после катастрофы считался вне опасности.

И вот в море появился неизвестный фрегат...

– Французская постройка... – произнес капитан первого ранга Толбузин, опуская подзорную трубу.

– И флаг османский, – добавил лейтенант Касаткин. – Пожалуй, господа офицеры, пришел наш последний час. Враг уже совсем рядом, а мы еще ничего не успели сделать.

Впрочем, несмотря на то, что на фрегате тоже, несомненно, заметили дымы лагеря и русский флаг над холмом, со стороны его команды не проявлялись признаки враждебности. Там не открывали орудийные порты, выкатывая в них пушки, а палубу не заполняла толпа жаждущих боя возбужденных головорезов в красных фесках. И вообще, на фрегате упорно делали вид, что идут мимо по своим делам и в упор не видят копошащихся на берегу русских.

– А может, у еного фрегата на борту только палубная и парусная команда, и более никого? – высказал предположение лейтенант Балашов. – Тогда он и в самом деле может пройти мимо нас без боя, даже не отсалютовав пушкой.

– Турка без драки не турка, особливо если он чувствует свою силу, – возразил лейтенант Касаткин. – Так просто мимо не пройдет, непременно сцепится.

Впрочем, при подходе к тому месту, где на берег был выброшен русский линкор, на фрегате началась заметная суета. Черными муравьями на мачты полезли матросы спускать паруса, и, глянув на них через подзорную трубу, капитан первого ранга Толбузин вдруг с изумлением проговорил:

– Господа офицеры... это кто угодно, только не турка! Будьте добры, полюбуйтесь на это сами...

Лейтенант Касаткин и лейтенант Балашов как по команде вскинули к глазам свои трубы (мичманам зрительные приборы не положены, ибо им без надобности) – и точно: карабкающиеся по вантам худощавые голоногие матросы в юбочках и облегающих жилетах на самом деле ничуть не походили на типичных турок. На нетипичных, впрочем, тоже. Да и флаг, развевающийся над фок-мачтой, оказался чисто красным, без присущего турецкому знамени белого полумесяца.

Пока старшие офицеры пилились на фрегат и его команду, силясь понять, что бы сие диковинное зрелище значило, штурман Глеб Никифоров вытянул вперед руку и закричал:

– Смотрите, господа, смотрите! Перед фрегатом и чуть ближе к берегу плывет гигантская акула, а у ей на спине люди!

– Пожалуй, Глеб Евлампиевич, должен сказать, что на акулу, даже гигантскую, эта штука только похожа, – с сомнением произнес каперанг Толбузин, разглядывая в подзорную трубу приближающийся предмет. – И люди на ней выглядят слишком уверенными и спокойными для случайных пассажиров. Мы смотрим на них, а они смотрят на нас, и тоже, кажется, в зрительные трубы.

– К тому же, Никифор Васильевич, ни одна акула не будет нести над собой государственный флаг, которого я, правда, не узнаю, – сказал лейтенант Касаткин. – Не спрашивайте меня, каким способом этот предмет движется по поверхности вод без весел и ветрил, но факт в том, что ход у нее при этом весьма приличный, не менее пяти узлов...

– Итак, господа офицеры, что мы имеем? – сказал капитан первого ранга. – Наши визави – один фрегат французской постройки и один корабль непонятной конструкции под флагами неизвестных нам держав – враждебности по отношению к российскому Андреевскому флагу не проявляют, и, судя по тому, что на фрегате спускают паруса, собираются встать тут на якорь или, как минимум, лечь в дрейф. Как вы думаете, что из этого следует?

– Из этого, Никифор Васильевич, следует, что люди на фрегате заметили наше бедственное положение, и теперь собираются нас спасать... или, по крайней мере, выяснить, кто мы такие и как сюда попали, – ответил лейтенант Касаткин.

– Кто мы такие, Владимир Иванович, эти люди знают и так, ибо нет в мире морской державы, которая не признала бы российский флаг, – назидательно произнес лейтенант Балашов. – И, кстати, Никифор Васильевич был прав: фрегат только что отдал якоря. Теперь стоит ожидать спуска на воду баркаса и посылки на берег разведывательной партии.

– Проща! Тащи сюда мой парадный кафтан, треуголку и трость, – скомандовал каперанг Толбузин. – И вам, господа офицеры, я тоже советую приодеться, ибо встречать гостей следует при полном блеске. То, что наш корабль потерпел крушение, еще не означает, что мы пали духом и опростились.

Тогда же и почти там же, фрегат «Медуза».

– Этот парусный линкор можно датировать примерно первой половиной восемнадцатого века, – констатировал Раймондо Дамиано, глядя на берег в бинокль. – Позже обвод корпус уже был немного другой.

– Однако в первой половине восемнадцатого века русские корабли по Средиземному морю не ходили, – ответил вольноопределяющийся Кариметов. – Петру Великому было не до этого, а при Анне Иоанновне и Елисавет Петровне флот пребывал в загоне и запустении. Так что моя ставка – на начальный период царствования Екатерины Великой, то бишь Первую Архипелагскую экспедицию...

Еще в первый день пребывания в заливе Сувла Сергей-младший, выслушав рассказ капитан-лейтенанта Голованова о совместных приключениях с вольноопределяющимся Кариметовым, смерил нового знакомого испытующим взглядом и сказал: «С этого момента вы, Александр Талгатович, кандидат в командиры. Лидерские качества у вас имеются, образовательный уровень соответствует, да и в деле вы показали себя наилучшим образом, так что, как только у нас появится бесхозное подразделение, так сразу в дамки, то есть в лейтенанты. Готовьтесь. А пока, в силу всех вышеуказанных обстоятельств, считаю обязательным ваше присутствие с правом совещательного голоса на всех военных советах и вечерних командирских посиделках. Еще одна умная голова нашему ареопагу не повредит».

Вот и сейчас, выслушав исторический экскурс, младший прогрессор кивнул и сказал:

– Скорее всего, вы правы, и наши новые пропаданцы пришли сюда из эпохи громких побед времен императрицы Екатерины. Но в связи с этим возникает вопрос к товарищу Гаврилову. Скажите, Василий Андреевич, вы сможете сдержать свое пылкое классовое чувство при встрече с дворянами-крепостниками середины восемнадцатого века? Я говорю об этом совершенно серьезно, потому что нам сейчас требуется избежать любых конфликтов с теми, кого мы в будущем видим гражданами Аквилонии. Наша задача – забрать отсюда этих людей, всех, до последнего человека, а не устраивать с ними маленькую гражданскую войну.

– Я вас понимаю, товарищ Петров, – с серьезным видом кивнул капитан Гаврилов, – и могу обещать, что буду сдерживать свое классовое чувство, если, конечно, не увижу на берегу чего-то вопиющего, выходящего за пределы обычных для этих времен методов поддержания воинской дисциплины.

– Люди, которые совершают вопиющее, никоим образом не годятся в наши сограждане, – сурово произнес Сергей-младший. – Только давайте не будем забегать вперед. Подобное решение должно приниматься не с кондачка, на основе эмоциональной вспышки, а после тщательного обсуждения. И вообще, я хотел бы, чтобы подобную проблему уже в Аквилонии решали товарищ Грубин и товарищ Орлов, которые значительно старше и опытнее меня. И только в случае категорического отказа командования разбившегося корабля от эвакуации я могу дать вам карт-бланш на самые решительные действия. Договорились, товарищ Гаврилов?

– Договорились, товарищ Петров, – ответил тот. – Такой подход меня полностью устраивает. Только я посоветовал бы вам взять с собой в качестве сопровождения не моих людей, а отделение из взвода товарища Акимова или товарища Авдеева – в подобной ситуации они будут вести себя гораздо выдержаннее.

– Это тоже правильно, – хмыкнул Сергей-младший. – На берег отправятся по одному отделению от каждого из этих двух взводов, а также одно отделение моих «волчиц», чтобы все было сразу решительно и без недомолвок. Товарищ Дамиано, распорядитесь спустить на воду обе шлюпки и установить у правого борта пассажирский трап. Мы идем на контакт.

Тогда же и почти там же, место крушения линкора «Азия».

Капитан первого ранга Толбузин и подчиненные ему офицеры со своего пригорка с интересом наблюдали за тем, что происходит на фрегате. Там грузовыми стрелами, сначала с одного, потом с другого борта, спустили на воду большие баркасы. Потом на обращенном к берегу правом борту установили парадный трап, и по нему в лодки стали спускаться люди в военной форме, в которых легко угадывалось большое начальство и его эскорт. Но больше всего господ офицеров удивило то, что странный акулообразный корабль, совершенно невообразимым способом двигаясь кормой вперед, подошел к борту фрегата и встал там на якорь. А после этого одна из лодок на короткое время подошла к низкому борту «акулы» и приняла оттуда двух человек. Потом гребцы налегли на весла, и оба баркаса без особой спешки направились к берегу.

– Ну что, господа офицеры, – сказал капитан первого ранга Толбузин, – пожалуй, нам тоже пора ступить на берег. И приготовьтесь: приближается решающий момент, когда мы узнаем, что это за такое странное место и каким макаром мы тут оказались.

– Это в том случае, Никифор Васильевич, – вздохнул лейтенант Балашов, – если эти люди сами ведают о сих великих тайнах, в чем я сомневаюсь. Возможно, это такие же несчастные, как и мы, коим повезло сохранить свои корабли, и теперь они ищут выхода там, где всегда был только вход.

– Возможно, вы правы, Иван Петрович, – кивнул Толбузин, – а возможно, и нет. Сие мы узнаем уже в самое ближайшее время.

Четверть часа спустя, почти там же, береговая линия.

Спустившись на берег в сопровождении группы матросов, приосанившегося отца Макария и доктора Манфреда Юнге, господа офицеры могли наблюдать приближающиеся лодки уже без подзорных труб. Люди в них были одеты в простые, без всякой вычурности, мундиры нескольких образцов, так что создавалось впечатление сборной команды, составленной из представителей разных родов войск, к тому же было невозможно понять, кто из этих людей офицер, а кто нижний чин. Впрочем, решили офицеры, гребцы – это наверняка солдаты или матросы, а те люди, что стоят на ногах, вглядываясь в берег, принадлежат к офицерскому сословию.

И вот, когда у людей в лодках уже было можно разглядеть лица, корабельный секретарь Петр Бородин вдруг встрепенулся, повел носом, будто учуяв вкусное, и ошеломленно произнес:

– Господа... А ведь голорукие и голоногие матросы, да и солдаты в пятнистых мундирах – это же самые настоящие бабы! Ну да, бабы... то есть девки, разрази меня молнией Ильи-пророк!

– Остыньте, Петр Ипатьевич, – вполголоса сказал капитан первого ранга Толбузин, – не позорьте нас перед... соседями своим чрезмерным мужским возбуждением. Обратите внимание, что все эти особы дамского пола вооружены наравне с мужчинами, и вид имеют вполне серьезный и решительный. Быть может, в этом государстве так заведено, что лица дворянского сословия с молодых лет служат в армии и на флоте без различия пола. А теперь тихо! Они уже совсем близко.

Вот обе лодки почти одновременно мягко ткнулись носами в песчаный пляж, и первым на берег соскочил молодой человек в пятнистом мундире. Вслед за ним последовали остальные. При этом командиры неспешным шагом подходили к вышедшему вперед молодому предводителю, а нижние чины позади них вытягивались в цепь вдоль берега или оставались на своих местах в лодках. И опять никакой враждебности ни в лицах, ни в позах высадившихся на берег Толбузин не заметил. Его, конечно, удивила крайняя молодость вожака пришельцев, который едва ли был старше любого из мичманов его команды, но командир «Азии» старался не показывать своих чувств. А вдруг этот юноша – наследный принц или вообще правящий монарх? Вон, император Петр Великий тако же чуждался роскошных одежд, предпочитая им одеяние корабельного шкипера или же преображенский мундир – такой же, как и у его солдат.

Каперанг сделал шаг вперед и для начала заговорил на русском языке, впоследствии намереваясь повторить сказанное по-французски, по-английски и по-немецки.

– Приветствую вас, господа незнакомцы! – заявил он. – Я капитан первого ранга Никифор Васильевич Толбузин, командир линейного корабля «Азия» русского императорского флота, потерпевшего крушение в этом злосчастном месте. Теперь будьте добры назвать себя, огласить название своего государства, флаг которого мы не смогли опознать, и сообщить нам, где мы оказались, если вам, конечно, ведома сия великая тайна.

– Приветствую вас, Никифор Васильевич! – на таком же русском языке ответил младший прогрессор. – Я Сергей Васильевич Петров, полномочный представитель Правящего Сената Народной Республики Аквилония. Должен вам сообщить, что вы все оказались не «где», а «когда». Одной только волей Всемогущего Господа вас отбросило на сорок тысяч лет в прошлое – в те времена, когда на земле беспомощное человечество еще кутается в шкуры, а на небесах идет вечер шестого дня творения.

Офицеры «Азии» ошарашенно переглянулись, а отец Макарий, вдруг вскинув перед собой наперсный крест, забормотал скороговоркой: «Тьфу на тебя, тьфу! Изыди, нечистый Сатана! Тьфу на тебя, тьфу!»

Но Сергей-младший и его спутники никуда исчезать не пожелали. Вместо того младший прогрессор пожал плечами и спросил:

– Никифор Васильевич, ваш батюшка перегрелся на солнце или с утра злоупотребил зеленым вином?

– Перекреститесь, Сергей Васильевич, – с серьезным видом произнес капитан первого ранга Толбузин. – Уж очень неожиданные и страшные вещи вы нам сообщили, поэтому перекреститесь, чтобы мы были уверены, что разговариваем не с посланцем Князя Тьмы.

Сергей-младший перекрестился (справа налево, как и положено православному) и добавил:

– Исповедую Одного и Того же Сына Божьего, Совершенного по Божеству и Его же Самого Совершенного по человечеству; Подлинно Бога и Его же Самого подлинно человека: из разумной души и тела; Единосущного Отцу по Божеству и Его же Самого единосущного нам по человечеству; Прежде веков рождённого из Отца по Божеству, а в последние дни Его же Самого для нас и для нашего спасения рождённого по человечеству. Одного и Того же, Сына Божьего, Единородного, познаваемым в двух природах неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо. При этом разница природ не исчезает через соединение, а ещё более сохраняется особенность каждой природы, сходящейся в одно Лицо и в одну Ипостась, не рассекаемую или различаемую на два лица, но Одним и Тем же Сыном и Единородным, Богом-Словом.

– Вы не упомянули имен Иисуса Христа и Девы Марии, – нахмурился каперанг Толбузин. – Хотя должен признать, что ни одно порождение Нечистого не способно наложить на себя крестное знамение.

– Ну какие же, Никифор Васильевич, могут быть Иисус Христос и Дева Мария примерно за тридцать восемь тысяч лет до Рождества Христова? – ответил Сергей-младший. – Как учит наш священник отец Бонифаций, имя того, кто в этом мире Шестого Дня Творения нераздельно и неслиянно соединит в себе божественную и человеческую природу, нам пока неизвестно. Никак. Оно останется в тайне до тех самых пор, пока не случится непосредственная Божественная Манифестация, напрямую указывающая на этого человека как на Сына Божьего. Впрочем, даже рассуждать на эту тему у нас в Аквилонии строжайше запрещено, ибо так можно договориться до жесточайшего религиозного раскола, когда у каждой группы непримиримых спорщиков окажется свой кандидат в Божьи Сыновья.

– Да, наверное, это действительно так, – сказал командир линейного корабля «Азия», сделав своим подчиненным знак молчать, пока он ведет разговор. – Но скажите, Сергей Васильевич, почему вы вообще решили, что среди вас должен воплотиться Божий сын? Как мне кажется, это очень большая самонадеянность, если не сказать большего.

Тот подумал и не спеша ответил:

– Мы, основатели Аквилонии, знаем об этом достоверно, потому что только нас в этот пустой еще мир заманивали возможностью начать новую жизнь с чистого листа, дав время на предварительную подготовку, а всех остальных хватили за шиворот и швыряли к нам на усиление, ни о чем не спрашивая и не предупреждая. Один такой заброс можно было считать случайностью, второй, возможно, тоже, а вот третий и четвертый, случившиеся почти подряд, показали, что это система, за которой стоит замысел персоны настолько могущественной, что ее никак невозможно отличить от Творца Всего Сущего.

– Так быть может, с вами в свои игры играет дьявол? – спросил каперанг Толбузин. – Этот господин тоже горазд на разные чудесные штуки.

– Могущество дьявола сильно преувеличено, – ответил Сергей-младший. – Этот господин действует чужими руками, опираясь на людскую алчность, злобу, похоть, ложь, глупость и невежество. Но это совсем не про нас, потому что мы с самого начала решили, что будем этому миру не господами, а учителями и наставниками, что никогда и никому не будем лгать, и всегда будет докапывать до сути явления, а не действовать исходя из первого побуждения. Победив врага на поле боя, мы не убиваем выживших и не обращаем их в рабство, а стараемся превратить их в своих полноправных сограждан. Один умный человек однажды сказал: «Ты

ответственен за тех, кого приручил», а мы добавили к его словам «и за тех, кого победил». Нет, дьявол не стал бы нам помогать ни при каких условиях, ибо мы не из его когорты. Напротив, там, у нас дома, в двадцать первом веке от Рождества Христова, ход человеческой истории Нечистого, я думаю, вполне устраивал. Человечество там полностью погрязло в так любимых им пороках, неумолимо сползая в мутную трясину, откуда уже не будет возврата, а отдельные голоса разума тонули в бессмысленном гомоне зажавшихся толп.

– Вы, Сергей Васильевич, происходите из двадцать первого века от Рождества Христова? – спросил Толбузин, будучи потрясен до глубины души.

– Так точно, господин капитан первого ранга, – подтвердил тот. – Нас, основателей, выманили сюда из две тысячи десятого года... Но это далеко не все. Совсем недавно выяснилось, что Творец уже проводил локальные операции по изменению человеческой истории. Вот, стоящий рядом со мной поручик Авдеев был участником одной такой операции, когда эскадра кораблей с десантом на борту из две тысячи двенадцатого года была перенесена в тысяча девятьсот четвертый год на одну злосчастную для Российской империи войну. Там ваши товарищи военные моряки сначала показали супостату, куда на зиму улетают русские раки, а потом сделали так, что на российском троне неуспешный монарх Николай Второй сменился его вполне успешным младшим братом Михаилом. И, независимо от этого случая, подпоручик Акимов был участником переноса другой корабельной группировки с другого флота из две тысячи семнадцатого года на ту же самую войну, с похожим, впрочем, результатом. Только там в результате политических пертурбаций на трон вместо Михаила на трон взошла его младшая сестра императрица Ольга, а Михаил стал ее помощником и правой рукой. А потом оба этих достойных офицера с похожих в общих чертах русско-турецких войн попали к нам сюда, в мир до начала человеческой истории.

– Отправляя нас на первое задание, – хрипло произнес поручик Авдеев, – нас напутствовали словами «Поступайте по совести». Это мог быть только Господь, потому что для Сатаны совесть – это пустой звук. И мы сделали все что могли: честно и гордо подняли славу русского воинства на недостижимую высоту, а потом стали опорой трона новому императору, взявшемуся исправлять злосчастную судьбу российской державы.

– Нам при отправлении никто ничего не говорил, но поступили мы точно так же, ибо иначе неуместно, – добавил подпоручик Акимов.

Информацию о том, что сто тридцать лет спустя в Петербурге случились государственные перевороты, офицеры линкора «Азия» приняли спокойно, даже как должное. В их собственном мире одиннадцатью годами ранее произошли похожие события, когда гвардия, поднатужившись, скочила с трона дебиловатого императора Петра Федоровича, заменив его на урожденную немку Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербстскую, в православии императрицу Екатерину Алексеевну Романову. И ничего, доблестное русское офицерство приняло эту замену с одобрением, а сам капитан первого ранга Толбузин, тогда лейтенант, даже принял в тех событиях посильное участие, хотя и делать там тогда ничего не надо было. Господ офицеров немного шокировало то, что в Российской империи того времени не нашлось внутренних здоровых сил, способных сначала выиграть войну, а потом свершить рокировку на троне, из-за чего пришлось вмешиваться самому Всевышнему, используя для этого таких же русских, но из более поздних времен. И сама идея Божественного вмешательства в историю тоже была ими воспринята как должное, ведь фельдмаршал Миних уже произнес свою историческую фразу: «Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует».

Смутило их другое...

– Идея замены в Российской империи малоуспешного монарха на его прямую противоположность нам понятна, – сказал капитан первого ранга Толбузин. – Непонятно нам то, какую

цель имеете вы, господин Петров, и ваши товарищи, управляющие сейчас Аквилонией, в эти невозможно далекие времена, когда никакой России еще не существует вовсе...

– Сначала мы не имели никакой цели, кроме того, чтобы, удалившись от суеты умирающего мира, прожить остаток жизни в условиях первозданной природы, – честно признался Сергей-младший. – Но потом нас начал вежливо, но настойчиво поправлять тот, кто и задумал этот эксперимент, намекая, что мы неправильно воспринимаем поставленную задачу во всем ее диалектическом многообразии. И тогда мы решили, что там, где находимся мы, там и будет Россия...

– Погодите, Сергей Васильевич... – поднял руку Толбузин, – ваша мысль прекрасна по своей сути. Но, скажите, какая же может быть Россия, если в эти времена русскими могли быть только вы и ваши товарищи?

– Это немцем, датчанином, китайцем, англичанином или французом надо родиться, а вот русским можно стать, – ответил тот. – Такова особенность нашего с вами народа, в самом начале своей истории составившего себя из разноплеменной этнической массы, главным в которой был славянский элемент. Посмотрите на этих девиц позади меня. Они родились в местном клане Волка, выросли в полной дикости, но два с половиной года назад попали в наши хорошие руки, и за это время изрядно обрусели. Таких в настоящий момент у нас уже несколько сотен, и пополнение продолжает прибывать. Местные женщины все молоды, ибо до пожилых лет тут не доживать никто, а еще пластичны и податливы в культурном смысле – а потому они достаточно легко воспринимают наш язык, обычаи и порядки. Еще в самом начале нашей истории к нам почти на порог забросили два десятка наших современников из Франции, которые к настоящему моменту тоже успели изрядно перенять наш язык и повадки. Потом к нам забросили одного французского дворянина из примерно ваших времен и три десятка бриттов-думнониев из седьмого века христианской эры, среди которых был священник отец Бонифаций. Так в нашем народе появилась своя Церковь...

– Так, погодите! – воскликнул каперанг Толбузин. – Ваш священник – он что, латинянин?

– К вашему сведению, Никифор Васильевич, в седьмом веке церковь еще не разделилась на восточную и западную, – строго возразил Сергей-младший. – Кроме того, бриттов крестили миссионеры, прибывшие не из Рима, а из Александрии, так что они по полному праву могли считаться православными. В католичество Британию обратил только Вильгельм-завоеватель, притащивший с собой из Нормандии латинское духовенство. Отец Бонифаций – умный, стойкий, а также храбрый в человеческом и духовном смысле священник, который пришел из тех времен, когда злобные язычники еще бродили по Европе толпами. Именно он распознал, что раз нас всех тут так интенсивно собирают, то на это имеется Божий Замысел, воплощать который начали мы, Основатели, а завершать его должен будет воплотившийся Сын Божий, потому что иначе не может быть. Ну а потом, почти сразу, к нам убивать и грабить явилась тысяча легионеров из времен Цезаря, и тогда отец Бонифаций по собственной инициативе вышел к ним один уговаривать жить в мире и согласии. В ответ они забросали его своими копьями, и когда отец Бонифаций упал, наши товарищи наперехлест ударили по римлянам из трех станковых пулеметов одновременно, ибо когда в парламентаря бросают копья, то можно уже все. После такой горячей встречи половина этих оглоедов умерла сразу, а остальные сдались к нам в плен...

– Постойте-постойте, Сергей Васильевич... – прервал каперанг, – а что такое станковые пулеметы?

Сергей-младший жестом подозвал к себе Бьерг, и та передала ему в руки заряженный пулемет Льюиса.

– Вот, Никифор Васильевич, – сказал он, – это машинка для массового истребления людей называется пулеметом. Изобретена она в конце девятнадцатого века, и является далеким потомком ваших штуцеров. То, что я сейчас держу в руках, это ручная версия, а станковый

пулемет выглядит и действует еще серьезнее. За один удар человеческого сердца это устройство успевает сделать десять выстрелов, и незаменимо в тех случаях, когда враг прет на тебя одной плотной массой. Эффект, как от взмаха косы на росистом лугу. Вжик – и все уже лежат и никуда не идут.

– И вы, Сергей Васильевич, все это время молчали о том, что при вас есть такое страшное оружие, и даже полусловом не намекнули, что все мы можем быть убиты, если наши переговоры закончатся неблагоприятным образом? – удивился капитан первого ранга.

– Мы никогда никого не пугаем и никому не угрожаем, а только отвечаем ударом на удар, – ответил тот. – При этом ситуация, при которой русские начнут убивать русских, просто не сумев с ними договориться, кажется нам настолько мерзкой, что мы и думать о ней не хотим. Кстати, для легионеров, которые сами вызвали на свои головы наш гнев, применение пулеметов оказалось вполне убедительным аргументом к тому, чтобы изменить свой образ жизни, креститься и войти в состав нашего народа. К сожалению, из всех методов агитации потомки Ромула и Рема понимают только грубую военную силу. Вместе с легионерами Цезаря в состав нашего народа вошли три сотни их современников из племени аквитанов-вокатов, которых мы освободили из римского рабства. Потом к нам присоединились два десятка русских солдат из тысяча девятьсот семнадцатого года, а при нападении на наше поселение итальянского подводного корабля из года тысяча девятьсот сорок первого нам удалось взять в плен такое же количество членов его команды. Командир нашего фрегата синьор Раймондо Дамиано, который стоит рядом со мной, как раз из их числа.

– И вы доверили командование кораблем бывшему врагу? – снова удивился каперанг Толбузин.

– Это прежде синьор Дамиано был нашим врагом, – ответил младший прогрессор, – а сейчас, пройдя курс искупления и перевоспитания, он стал одним из нас – человеком, полностью разделяющим цели и задачи по воплощению Замысла. Нет для нас ни эллина, ни иудея, а только полноправные граждане, кандидаты на гражданство и все прочие.

– Так кто же для вас, Сергей Васильевич, мы, потерпевшие бедствие русские моряки? – спросил командир линейного корабля «Азия». – Вот я вас слушаю, и понимаю, что нарочно измыслить подобное не мог бы ни один человеческий ум. И в то же время одолевают меня определенные сомнения...

– Вы для нас кандидаты на гражданство, которые, как я надеюсь, в самом скором времени обретут действительный статус, а вам, Никифор Васильевич, при этом будет определено место в Аквилонском сенате наравне с другими командирами наших подразделений, – ответил Сергей-младший. – За кандидатский стаж вам зачтется время перехода до Аквилонии, но только в том случае, если вы не будете простыми пассажирами, а примете посильное участие во всех наших походных делах. А что касается сомнений, то отец Бонифаций говорит, что ими людской ум обычно смущает враг рода человеческого, желающий сделать этого человека безвольным и беспомощным. Сильные и решительные люди, тщательно обдумав свое решение, сомнений не ведают по определению.

– Как я понимаю, Сергей Васильевич, вы предлагаете нам отбыть с вами, бросив здесь все? – после довольно длительной паузы спросил каперанг Толбузин.

– Люди – это все, а вещи – ничто, – ответил младший прогрессор. – Именно люди делают вещи, а совсем не наоборот. Конечно, бронза пушек, запасы пороха и пеньковые канаты представляют для нас определенную ценность, но даже ради них я не готов оставить тут ни одного вашего человека. Время дорого, а потому вместе с вашими людьми на борт нашего фрегата должны быть погружены только рабочие инструменты, личное оружие и часть запасов пороха; все остальное придется оставить, ибо, как я уже говорил, времени на долгие сборы нет, да и наш корабль переполнен будто Ноев Ковчег.

– Подобную фразу – мол, люди все, а деньги ничто – я уже слышал от графа Григория Алексеевича Потемкина, – удовлетворенно кивнул капитан первого ранга. – Но сообщите же, с чего у вас такая спешка, и где вообще находится эта ваша Аквилония?

– Аквилония расположена в южной Франции у места слияния рек Гаронна и Дордонь, – ответил Сергей-младший. – Как говорит синьор Дамиано, хода туда при господствующим противных ветрах нам никак не менее одного месяца. А торопимся мы оттого, что нам не только присылают из других миров пополнение людьми и разным имуществом, но и производят испытание нашей способности отражать внезапные нападения. Человек по своей сути слаб и ленив, склонен успокаиваться на достигнутом и почивать на лаврах. Поэтому, чтобы мы не расслабились и не разжирили, время от времени, кроме добрых людей к нам приходят очень злые, с которыми необходимо сражаться и побеждать. И такое испытание, как правило, следует вскоре после пополнения. Господь никогда не совершает чудес по требованию, но и не присылает нам ничего лишнего. У нас в Аквилонии говорят, что если тебе под руку положили топор, то придется рубить, а если пулемет, то стрелять.

– Все правильно, Сергей Васильевич, – пожал плечами каперанг Толбузин, – но я не понимаю, к чему вы говорите это именно сейчас...

– Понимаете, Никифор Васильевич, – ответил тот, – дело в том, что до недавних пор основу наших вооруженных сил составляли девушки, взятые нами из клана Волка – просто потому, что это была единственная боеспособная часть нашего народа, пригодная для того, чтобы брать в руки оружие. Вы не смотрите на их дамский пол: на пересеченной лесистой местности и при скоротечных встречных огневых контактах они хороши насколько это вообще возможно. При этом батальон римских легионеров со своим холодным оружием, устаревшим даже для высокого средневековья, находился у нас во второй линии. И вот чуть больше двух месяцев назад мы получили сообщение, что в западной части Черного моря в окрестностях порта Констанца появилась русская подводная лодка...

– Погодите, Сергей Васильевич... – сказал командир «Азии», в то время как прочие офицеры линейного корабля, от любопытства наострив уши, приблизились почти вплотную к разговаривающим. – Как человек из двадцать первого века, объясните, пожалуйста, нам, темным уроженцам века восемнадцатого, каким образом вы могли получить сообщение с другого конца Европы и что такое подводная лодка, ну и заодно – почему вы решили обосноваться на территории южной Франции, а не где-нибудь в землях нашего богоспасаемого Отечества?

– На последний вопрос ответ простой, – сказал Сергей-младший, – вы можете мне верить, а можете нет, но климат на планете Земля в эти времена значительно холодней и суше, чем там, у нас дома – хоть в восемнадцатом, хоть в двадцать первом веке от рождества Христова. Ледники сейчас стоят прямо под Санкт-Петербургом, а большая часть Европы покрыта холодными безлесными пространствами, на которых невозможно найти дерева ни на отопление, ни на строительство. Стартовав на берегу Ладожского озера, мы обогнули всю Европу, что достойно отдельного удивительного рассказа, и устье Гаронны показалось нам ближайшей землей, пригодной для создания долговременного поселения. Климат в тех краях близок к нашему российскому: нечто среднее между Москвой и Петербургом, а потому и почувствовали мы там себя как дома. Ответы на второй и первый вопросы тоже просты. В двадцатом веке появился такой класс кораблей, которые скрытно подкрадываются к врагу под водой и атакуют его мощными самодвижущимися снарядами. Капитан-лейтенант Николай Иванович Голованов, командир такого корабля, связался с нами при помощи машины возбуждающей колебания мирового эфира, обычной для двадцатого и двадцать первого века. В ходе этих переговоров мы договорились, что команда этой подводной лодки присоединяется к Аквилонии, для чего они должны самостоятельно разведать путь через Босфор и Дарданеллы, а мы, когда на Гаронне закончится ледоход, вышлем за ними фрегат...

– И снова у меня вопросы, – сказал каперанг Толбузин. – Во-первых, для чего было необходимо разведывать русло Босфора и Дарданелл, ведь, ежели там нет турецких фортов, то проход через них не должен составлять сложностей; и во-вторых, по какой причине потребовалось посылать фрегат – неужели сей подводный корабль не мог прийти в вашу страну Северного Ветра своим ходом?

– В первом обстоятельстве виноват здешний климат, – ответил Сергей-младший. – Так как всю северную часть планеты сейчас занимают ледники, вобравшие в себя немало воды, то общий уровень мирового океана понизился примерно на сорок саженей, из-за чего Балтийское, Черное и Мраморное моря превратились в проточные пресноводные озера, а Босфор и Дарданеллы – в бурные, но очень полноводные реки. Прежде чем сплавлять по ним подводную лодку, вдоль русла этих рек следовало пройти своими ногами и посмотреть на них собственными глазами. Если на фарватере Босфора и Дарданелл были бы обнаружены пороги или даже водопады, то команде следовало идти к устью Дарданелл своими ногами, а фрегат бы их потом подобрал. Впрочем, даже в случае благополучного форсирования обеих этих рек (как и случилось), топлива подводной лодке хватило бы только до половины маршрута.

– А при чем тут топливо, неужели на вашей подводной лодке так холодно, что ее нужно непрерывно топить? – спросил Толбузин.

– Дело в том, что в двадцатом и двадцать первом веке вместо парусов и весел корабли движутся механическими двигателями, потребляющими разные сгораемые вещества, – терпеливо ответил младший прогрессор. – При этом они не зависят от капризов погоды, но зато вынуждены регулярно пополнять свои запасы в портах, а тут это сделать невозможно, ибо для сего необходима развитая промышленная цивилизация, которую нам еще только предстоит построить. Парусник в эти времена получается гораздо предпочтительнее. Впрочем, едва только Николай Иванович начал разведку Босфора, выяснилось обстоятельство, которое заставило нас отложить все остальные планы и сосредоточиться на подготовке спасательной экспедиции. Примерно там, где в цивилизованные времена был расположен Константинополь, разведывательная команда с подводной лодки, проводившая рекогносцировку, встретила с людьми, оказавшимися русскими морскими пехотинцами из трех разных миров, общей численностью до одной роты. По боевому духу, опыту и уровню подготовки этих бойцов можно сравнить только с суворовскими богатырями-фанагорийцами, а потому мы поняли, что Господь положил нам под руку очередной пулемет, который очень скоро предстоит пустить в дело. Вот стоит командир этой роты капитан морской пехоты Василий Андреевич Гаврилов – прошу, как говорится, любить и жаловать. Уже позже к этой команде присоединились конный взвод лейб-гусар из второй половины девятнадцатого века и полтора десятка хороших морских артиллеристов из начала века двадцатого, но его люди были в этой команде первыми. И ваши люди – это тоже лыко в ту же строку. Наша задача – как можно скорее доставить весь этот боеспособный русский контингент в Аквилонию, невзирая ни на какие препятствия.

– И вы считаете, что мы, такие темные и отсталые, вопрошающие самые элементарные для вас вещи, сможем быть полезными вашей Аквилонии? – спросил каперанг.

– Не просто так считаем, мы просто уверены в этом, – ответил Сергей-младший. – Знания – это то, что человек может обретать от рождения до глубокой старости, и вы не исключение. Темнота и отсталость в вас через некоторое время исчезнут, был бы стимул, а вот то, что делает вас русскими людьми, останется навсегда. Ведь не зря же Господь поставил вас на нашем пути. К тому же фрегат, который вы видите перед собой – это первый, но далеко не последний наш корабль. В Аквилонии уже запланирована постройка верфи, а в таком случае без вашей опытной команды нам никак. Прямо сейчас должен сказать еще одну вещь. Совсем недавно, зимой этого года, на воздушном корабле к нам прибыли шесть десятков наших соотечественников и почти современников, большую часть из которых составляют недоросли обоих полов. В наше время это была громкая история авиационной катастрофы, в которой не было выжив-

ших, но к нам эти люди попали живыми, здоровыми, хотя и немного испуганными. Из этого мы сделали вывод, что все, кого Господь бросал нам на пополнение, в своих родных мирах или погибали злой смертью, или вовсе пропадали безвестно. Имейте это ввиду, и не кляните Всемогущего и Всеведущего за свою злую судьбу. Тут, в этом мире, вы все – от командира до последнего юнга – живете новую жизнь, а то, какой она будет, теперь зависит только от вас самих. Как мне кажется, предоставляя вам второй шанс, Творец Всего Сущего рассчитывает, что вы употребите его к своей и общей пользе, и очень расстроится, если все будет наоборот.

Капитан первого ранга Толбузин немного помолчал, а потом со всей возможной торжественностью громким командирским голосом произнес:

– Ну что же, Сергей Васильевич, и вы, господа офицеры... я уже, честно говоря, давно принял свое командирское решение, и сейчас намереваюсь огласить его вслух. Так как возвращение в родные времена к матушке-императрице Екатерине Алексеевне для нас не представляется возможным, а дома нас уже наверняка сочли погибшими, то наша команда присоединится к государству Аквилонии и принесет Сергею Васильевичу в том необходимую присягу, ибо так хочет сам Бог.

В ответ раздались громкие крики «ура»: пока шли переговоры, за спинами офицеров как-то сами собой собрались почти все члены команды, оставшиеся на ногах после крушения. Присоединение к пока еще до конца не понятному, но при этом все одно русскому государству, казалось этим людям гораздо более предпочтительным, чем беспечное сидение на этом пустом берегу.

– С присягой, Никифор Васильевич, будет даже лучше, – вполголоса сказал каперангу Толбузину Сергей-младший. – Для всех, кто ее принесет здесь и сейчас, права полного гражданства начинаются немедленно. Вот и все, что я могу сказать по этому поводу.

– Скажите, Сергей Васильевич, – спросил командир «Азии», – а почему ваше государство называется республикой, да еще и народной – не лучше ли было вам завести у себя нормальную монархию?

– Некоторые несознательные люди, – усмехнулся полномочный представитель аквилонского Сената, – называют Сергея Петровича Грубина князем – в том самом исходно перво-зданно-русском смысле, ибо именно он за счет своих средств профинансировал эту экспедицию, возглавил ее, а сейчас руководит всеми делами, не относящимися к непосредственному ведению военных действий. Но сам Сергей Петрович чурается этого титула, называя себя не господином нового народа, а его верховным учителем. Что касается республики, то в переводе с латыни это слово означает «общее дело». А слово «народная» говорит о том, что это общее дело не только боярской и купеческой верхушки, но и всего нашего населения. Нам не нужны надсмотрщики, и каждый у нас добровольно налегает на тягло изо всех сил, ведь только так можно покорить этот огромный и жестокий мир, вдобавок решив все те задачи, что ставит перед нами Господь. Иначе никак. Вы же умный человек, а потому присмотритесь к нам сначала на фрегате, а потом уже в Аквилонии, и Бог даст, все про нас поймете правильно.

– Спасибо за совет, Сергей Васильевич, я непременно ему последую, – ответил Толбузин. – А теперь скажите, что мы будем делать дальше?

– У нас говорят, что театр начинается с гардероба, а Аквилония – с медицинского осмотра, – сказал тот. – В первую очередь, мы должны быть уверены, что с вашими людьми к нам не проникнут ни платяные, ни головные звери. Вот стоит военврач третьего ранга Сергей Александрович Блохин – по армейской табели о рангах его военно-медицинское звание приравнивается к капитану, а по морской – к капитан-лейтенанту. Он и будет руководить процессом вашей эвакуации на борт.

– В таком случае, Сергей Васильевич, – сказал каперанг, – я бы попросил начать с наших раненых и покалеченных. Таких страдальцев, еще оставшихся в живых к настоящему моменту, у нас два десятка, и многие из них очень плохи. Быть может, ваш военный доктор окажется

искуснее нашего корабельного врача господина Манфреда Юнге, который по большей части может только разводить руками и говорить, что известная ему медицинская наука в данном случае бессильна.

– Разумеется, мы так и сделаем, – кивнул Сергей-младший. – Идемте, Никифор Васильевич, покажете нам, где у вас госпиталь и вообще в каких условиях живут ваши люди.

6 июня 3-го года Миссии. Четверг. Поздний вечер. Первый этаж, правая столовая Большого Дома. Совет вождей.

– Итак, товарищи, – открывая заседание, сказал верховный шаман и учитель Аквилонии, – от Сереги из Эгейского моря поступила новая вводная. Сегодня утром на берегу острова Тинос был обнаружен остов разбившегося русского парусного линкора «Азия» времен императрицы Екатерины Великой. Выжившая часть команды (сто двадцать три человека, из них девять офицеров, врач и священник) принесли присягу на верность Правящему Сенату Аквилонии, то есть нам, и на этом основании сразу получили права аквилонского гражданства. В настоящий момент идет погрузка на борт «Медузы» личного состава и того имущества, которое товарищ Петров решил эвакуировать в первую очередь. Конец сообщения.

– Быстро это у Сереги получилось! – сказал главный охотник и военный вождь. – Раз-два – и в дамках.

– А что, так можно было? – с оттенком недовольства спросил главный геолог. – Непроверенных людей со стороны – и вдруг сразу в граждане...

– Решение принести присягу на верность Аквилонии принял командир линейного корабля «Азия» капитан первого ранга Толбузин, – сказал Сергей Петрович. – Серега просто не мог ему в этом отказать. Все было проделано по правилам тех времен, при участии священника отца Макария, который при произнесении клятвы на верность давал поцеловать крест каждому члену команды.

– Кажется, я понимаю, в чем там было дело, – сказал Андрей Викторович. – Воинские люди того времени просто не имеют возможности пребывать не под присягой. Когда умирает император или правящая императрица, то они тут же приносят присягу вступившему на трон наследнику. Межмировой переброс разорвал связь этих людей с Екатериной Великой, она умерла для них, а они для нее – а потому, решив присоединиться к Аквилонии, их командир, прежде всего прочего, счел необходимостью принести присягу уже нам и служить, как прежде, верой и правдой новому сюзеру. И это правильно, потому что верность присяге для таких людей – не пустой звук.

– Там есть свой священник? – спросил отец Бонифаций. – Если так, то это просто замечательный.

– Ничего замечательного в этом нет, – сказал верховный шаман. – Обычный священник того времени, скорее всего, в штыки воспримет исповедуемую нами веру Шестого Дня Творения, и необычный тоже. Слишком уж сильно наша идеология и социальные практики отличаются от всего, к чему привыкли эти люди. И будет тогда у нас религиозный раскол – на тех, кто еще верит по-старому, и тех, кто уже по-новому. Ничем хорошим такие вещи не заканчиваются.

– А мне кажется, Петрович, что ты сгущаешь краски, – сказал главный охотник. – Священники во времена Екатерины Великой нифига не были сами по себе, а являлись частью государственной машины. Пофигу было Священному Синоду на его личные убеждения: какие указания сверху поступили, то и будет проповедовать. Сергей с самого начала должен был изложить далеким предкам наше кредо, в том числе и в религиозном вопросе, и если священник принял участие в процедуре приведения к присяге личного состава, то и себя он тоже считает уже частью нашей системы.

– Истина, как водится, где-то посередине, – сказала Марина Витальевна. – И искреннего сотрудничества от этого отца Макария мы не дождемся, и открытого бунта тоже не будет, потому что все свои сомнения он будет носить внутри себя.

– Я думаю, – сказал отец Бонифаций, – что это есть еще один испытаний со стороны Великий Дух. Мы должны создать один симфония веры, или у нас будет какофония разных мнений. Внутренний какофония ничуть не лучше открытый, потому что тайный всегда однажды станет явный. Но мы не должны ничего делать с этот отец Макарий из один только страх будущей трудность. Такой страх есть инструмент сатана, который хотеть сделать нас слабый духом и телом.

– Вот вы, отче Бонифаций, вопросом отца Макария и займитесь, когда он прибудет сюда, – сказал Сергей Петрович. – Теперь, когда священников у нас стало больше одного, вы сами должны перейти на следующую ступень главы епархии. Если и дальше дело пойдет подобным образом, то это может быть далеко не последний священник, имеющий неместное происхождение. По сравнению с каким-нибудь католическим кюре или лютеранским пастором времен Варфоломеевской ночи православный поп из восемнадцатого века еще может показаться нам вполне милым и родным человеком.

– Что есть, то есть, – хмыкнул Андрей Викторович. – Итак, товарищи, что мы имеем с этой истории, помимо попа?

– Мы имеем часть команды парусного корабля, по большей части трюмных матросов и артиллеристов, к ним опытного командира парусных кораблей, а также офицерский костяк, – ответил верховный шаман. – Между прочим, новое пополнение еще острее ставит перед нами вопрос по постройке верфи и общей активизации строительных работ. Разных дел только прибавляется, а наши возможности все еще остаются на прежнем уровне.

– Кирпичное производство работает уже фактически на пределе возможного, – сказал Антон Игоревич. – Для расширения производства необходимо строить дополнительные печи и увеличивать количество работников, что невозможно, так как все люди, в том числе и из осеннего пополнения, заняты в поле и на стройках. В настоящий момент почти весь вырабатываемый жженный кирпич уходит на кладку фундамента медицинского центра, и там же работают все наши старые строительные бригады и большая часть римского контингента.

– О да! – воскликнул старший центурион Гай Юний, – я уже говорил своим: «Трудитесь, парни, хорошо, потому как в этом эскулапиуме вас и будут лечить. Для себя строить, а не для другой».

– Тут у нас все делается только для себя, друг мой Гай Юний, – ответил Сергей Петрович. – И вообще, без ваших парней мы сейчас были бы как без рук. Все это лето будет одной большой стройкой, работать на которой придется всем в поте лица. Едва выгрузив пополнение, фрегат уйдет в следующий рейс к острову Тинос с задачей вывезти с брошенного корабля все, что может пригодиться в нашем хозяйстве и при постройке своих кораблей.

– А стоило ли Сереге грузить на фрегат сразу всю команду линкора, вместо того, чтобы оставить часть людей с задачей разбирать все, что должно быть разобрано? – спросил Антон Игоревич.

– Стоило, – ответил верховный шаман. – Ведь это живые люди, а не какие-нибудь роботы, и прежде всего их требуется притереть в нашем разнородном обществе, и только потом посылать на новые задания. В настоящий момент на борт «Медузы» погружен только так называемый шкиперский запас канатов и веревок, имеющийся на каждом парусном корабле на случай ремонта прямо в море, а также тот такелаж, который команда самостоятельно демонтировала с рухнувших за борт мачт. Остальное в случае невозможности отправить фрегат в повторный рейс может спокойно пролежать на месте и год, и два, но если бы на Тиносе при этом оставались наши люди, это был бы другой коленкор...

– Петрович прав, – сказал главный военный вождь, – не исключено, что наши планы, как это обычно бывает, поменяются в зависимости от обстоятельств, и, выгрузив пополнение, «Медуза» отправится в другую сторону или начнет работать на коротком плече, вывозя сюда все стреляющее содержимое американского парохода, что тоже давно пора сделать.

– Римский легионер прорубился до машинный отделений парохода, – сказал Гвидо Белло. – Я там быть с последний рейс «Фортис» и все посмотреть. Котел шотландского типа, обычный для тот время, и паровой машина тройной расширений – повреждений небольшой, ремонт возможен. Можно перевозить сюда, собирать с генератор наш субмарина – и иметь большой электростанций вместо ваш маленький мотор. А то сейчас, когда работает пилорама, свет мигать в весь поселений.

– Электростанция, синьор Белло, это хорошо, хотя в настоящий момент несколько неактуально, – ответил Сергей Петрович. – Ну нет у нас ни необходимого кабельного хозяйства для ее подключения, ни банальных дополнительных электроприборов – хотя бы лампочек, которые можно было бы включать в сеть. И в то же время паровая машина была бы крайне полезна для прямого привода промышленного оборудования. Я имею в виду большую ленточную пилораму, которая понадобится нам в самом ближайшем будущем, когда в связи с интенсивным строительством иссякнет запас заготовленных впрок пиломатериалов. Вот это вам, товарищ Гвидо Белло, прямая и непосредственная задача. Пильные полотна следует изготовить из полос обшивки вашей субмарины, остальное собрать из того, что найдется под рукой. Весь необходимый для этого электроинструмент будет в вашем распоряжении. Это первое самостоятельное задание для всего клана «итальянцы». Инженер вы, в конце концов, или нет?

– Будем делать, синьор Петрович, – бодро кивнул Гвидо Белло. – Только я предложить на привод пилорама вместо паровой машина в два тысяча лошадиный сил, что значит полтора миллион ватт, использовать ветряной мельница, обычный для допромышленных времен.

– А мощности у вашего ветряка на это хватит? – иронически прищурившись, спросил главный учитель и строитель Аквилонии.

– Это надо посчитать, – сказал Гвидо Белло, потянувшись за своей грифельной доской¹¹ для предварительных расчетов.

– Не трудитесь, синьор Белло, – вздохнув, ответил Сергей Петрович, – я уже давно все посчитал. Ветряк с длиной лопасти в три метра, который легко построить в наших условиях, при средней скорости ветра в пять метров в секунду даст вам около киловатта мощности. Увеличив длину лопасти вдвое, до шести метров (что сложно, но все же возможно), вы добьетесь четырех киловатт мощности на рабочем валу, что достаточно для обрезного станка, но категорически не хватит для работы пилорамы. Ветряк с длиной лопастей в восемнадцать метров, необходимый для отдачи при среднем ветре мощности в тридцать-сорок киловатт, в наших кустарных условиях не построить, и это факт. Так что про ветряк можете забыть, для данной задачи он не годится.

– Но что же делать, синьор Петрович?! – воскликнул Гвидо Белло. – Паровой машина для один станок – слишком мощный, и привезти ее сюда можно будет неизвестно когда!

– Действительно, – кивнул тот, – от паровой машины такой мощности можно питать либо электростанцию на основе двух ваших генераторов, либо прямым приводом с рабочего вала целый деревообрабатывающий завод с множеством станков, которых у нас пока нет. Да и возможность ее доставки к нам в ближайшее время пока не ясна: слишком далеко и слишком громоздко. Значит, так: для прямого привода проектируемой большой пилорамы разрешаю

¹¹ Аспидная или грифельная доска – письменная принадлежность в виде пластины из сланца. Получила своё название из-за материала, чёрного твёрдого сланца – аспиды. На аспидной доске писали грифелем или палочкой... С конца XIX века вместо грифеля стали использовать палочки из алюминия, которые на грифельной доске оставляют белый, легко стирающийся след. Моряки использовали аспидную доску для вычислений координат, а рабочие на производствах – для учета произведённых изделий. Вышла из употребления в середине XX века.

разобрать один из французских грузовиков на бензиновом ходу. Газогенератор для него сделаете сами, а так как установлен он будет стационарно, то для его строительства можно будет использовать самые доступные в наших условиях материалы: кирпич и керамические трубы...

– Погоди, Петрович, – сказал Антон Игоревич, – стационарный газогенератор – это отличная идея. У меня на производстве тоже достаточно мест, где газовое отопление будет предпочтительнее использования дров или древесного угля. Например, в стекольном цеху...

– В таком случае, – сказал верховный шаман, – у нас получится уже не стационарный газогенератор, а целый газогенераторный цех, для которого надо будет ставить отдельное здание. Возможно, вслед за первым бензиновым грузовиком мы разберем и второй, ибо как таковой он нам без надобности, а вот досок и бруса в ближайшее время нам потребуется очень много. Но планируемая мощность и конструкция такого цеха – это уже технические детали, которые вы утрясете между собой сами. Когда у вас будет готов проект и все расчеты, приходите, будем думать, как впихнуть еще один объект в наш и без того переуплотненный строительный график. А где новые пилорамы, там и большие сушилки для дерева, остро необходимые в случае постройки верфи, так что только успевай поворачиваться.

– Хорошо, Петрович, – сказал дед Антон, – так мы и сделаем. Все хорошенько обдумаем, чтобы не пришлось два раза переделывать, и потом снова подойдем к тебе.

– Ну вот и договорились, – кивнул верховный шаман. – А теперь давайте закруглять наше заседание, тем более что последнего вопроса мы рассматривать не планировали, и выплыл он у нас как-то сам собой по ходу обсуждения. И так тоже бывает.

6 июня 3-го года Миссии. Четверг. Поздний вечер. Стоянка фрегата «Медуза» у места крушения линкора «Азия».

Погрузка на борт «Медузы» личного состава и того имущества, что сочли обязательным к немедленной эвакуации, затянулась до темноты. Крайние рейсы лодки совершали, ориентируясь на огни костров на берегу и свет мощного светодиодного фонаря, которым с борта фрегата светил Сергей-младший. Капитан первого ранга Толбузин, как и положено командиру, покинул место гибели своего корабля с последней лодкой. Уже стоя на трапе, он оглянулся в сторону берега, где догорали костры-маяки и, невидимый в темноте, возвышался над братской могилой осьмиконечный православный крест. Если Божий эксперимент с Аквилонией окажется неудачным, и этот мир все же вернется на круги своя, то в цивилизованные времена могила моряков окажется под тридцатиметровым слоем воды, и ее не смогут осквернить никакие любопытные до чужого прошлого археологи. В противном случае (что скорее всего) последний командир «Азии» обязательно вернется сюда позже, чтобы поставить часовню и помолиться на могиле тех, кто погиб на самом пороге спасения, ибо ему уже очевидно, что ни при каких обстоятельствах его корабль не смог бы вернуться на свою стоянку у острова Миконо. И выброситься на берег острова Тинос тоже не получилось бы: в свете восходящей луны видны скалы-клыки – сейчас вздернутые на сорокасаженную высоту, а тогда составлявшие береговую линию.

Сергей-младший встретил каперанга Толбузина на палубе у самого трапа.

– Добро пожаловать на борт, Никифор Васильевич, – сказал он, пожимая тому руку. – Все прошло хорошо, а то я, честно, опасался, что придется задержаться здесь еще на сутки, что было бы крайне нежелательно. Но у вас очень дисциплинированная и достаточно чистоплотная команда, и это избавило нас от большинства неизбежных в таких случаях проблем.

– У вас, Сергей Васильевич, тоже весьма дисциплинированные люди, – вернул Толбузин комплимент, – вроде и нет никаких команд, а все делается так, что только успевай поворачиваться. И барышни ваши докторские изрядно меня удивили своей ловкостью и понятливостью... Но неужто такое вообще возможно – женщина-врач?

– Если возможна женщина-императрица, да еще и великая, как ваша матушка Екатерина Алексеевна, то почему бы не быть вполне обычной женщине-врачу? – спросил Сергей-младший.

– Туше, Сергей Васильевич, – кивнул капитан первого ранга, – тут вы попали прямо в точку. Но почему вы называли матушку-императрицу Великой?

Тот подумал и ответил:

– Ну как еще вашу матушку назвать после тридцати трех лет, проведенных при власти, позже названных эпохой великих побед? За это время не случилось ни одной проигранной Россией войны или хотя бы даже сражения, хотя воевала ваша императрица много и со вкусом. Польшу ваша императрица, вместе с Австрией и Пруссией, разделила на троих, будто праздничный пирог, а Турцию руками своих генералов и адмиралов отлупила так жестоко, что османское солнце быстро пошло к закату. В результате российские границы сдвинулись на запад и юг – где на двести, а где и на пятьсот верст, а население увеличилось в полтора раза – частью по причине завоеваний, а частью из-за естественного прироста. Это, Никифор Васильевич, то, что я учил о вашей эпохе в школе. По-моему, для присвоения вашей императрице исторического титула «Екатерина Великая» этого вполне достаточно?

– Да, Сергей Васильевич, достаточно, – согласился Толбузин. – Даже, знаете ли, досада берет, почему я здесь, а не по-прежнему там...

– Здесь тоже есть чем заняться, – хмыкнул младший прогрессор. – Разве вам не льстит мысль, что на вас обратил свое благосклонное внимание сам Творец Всего Сущего, решив, что вы достойны принять участие в Его Замысле, а потому вам следует даровать возможность прожить еще одну жизнь?

– Честно говоря, я до сих пор в смущении от такой мысли, – признался капитан первого ранга. – И вообще, я думал, что дело не во мне лично, а в моей команде.

– Как говорит мой командир и учитель, – произнес Сергей-младший, – для воинских подразделений выражение «каков поп, таков и приход» еще более верно, чем для церковных дел, ибо ни один священник не имеет над своими прихожанами такой власти и влияния, как командир над своими подчиненными. Ваша команда – в какой-то мере ваше отражение, и оттуда, с горних высей, вы выглядели как одно целое. А о тех, кто погиб, я сожалею, и думаю, что сейчас они смотрят на вас из рая и радуются, что их командир и товарищи удостоились возможности прожить вторую жизнь и свершить такое, что кажется невозможным обыкновенным людям.

Толбузин огляделся по сторонам, особо остановившись взглядом на коновязи, где под фок-мачтой в импровизированных денниках гусарские кони тихо, вполголоса, разговаривали о своем, о лошадином.

– Да, Сергей Васильевич, скорее всего, это так, – сказал он своему собеседнику, – но давайте сейчас оставим этот разговор. Как я вам уже говорил, мне от него не по себе. А сейчас проводите меня туда, где размещена моя команда, ибо я уже знаю, что ваши командиры спят там же, где и их люди, и ничего не могу сказать против такого обычая, особенно в этих чрезвычайных обстоятельствах.

– Почивать, вам Никифор Васильевич, пока преждевременно, – ответил Сергей-младший, – позвольте пригласить вас на небольшую командирскую тайную вечерю – можно сказать, семейный ужин. Только вас и ждали к ужину, за стол не садились. И не извольте беспокоиться: все ваши люди накормлены и размещены в трюмных помещениях наравне с прочими бойцами и командирами.

За грот-мачтой у входа в бывшие офицерские помещения на чисто выскобленной палубе был расстелен квадрат парусины, и на нем – блюдо с жареным мясом, миски с салатами из дикоросов, кувшины с травяными настоями, а также керамические тарелки и стеклянные стаканы. А вокруг этого импровизированного дастархана прямо на палубе по-турецки расселась пре-

странная, с точки зрения каперанга Толбузина, компания. Помимо тех людей, что вместе с полномочным представителем Правящего Сената сходили на берег с ознакомительным визитом, тут были и другие офицеры в светло-коричневых кожаных куртках, а также некоторые девицы, часть которых была одета в солдатское, часть в матросское, а часть носила штатские одежды. Особое внимание Никифора Толбузина привлекла массивная носатая девица в плечах даже шире обычного мужчины, что сидела по левую руку от доктора Блохина и смотрела на того влюбленным взглядом. И еще одна такая же – даже еще более внушительная в своем матросском наряде, открывавшем сильные мускулистые руки – сидела рядом с командиром фрегата господином Раймондо Дамиано.

Когда каперанг и Сергей-младший приблизились к этой честной компании, четверо девиц в солдатской пятнистой форме поднялись на ноги одним плавным движением и сделали два шага им навстречу.

– Никифор Васильевич, – сказал младший прогрессор, – позвольте представить вам моих жен: Лаис, Чиллу, Бьёрг и Аусу...

– Жен, Сергей Васильевич? – переспросил тот, недоуменно моргая. – А как же такое многоженство позволяют ваши христианские убеждения?

– Вполне позволяют, – ответил Сергей-младший, – ибо Христос сказал, что не человек для субботы, а суббота для человека. В эти времена, когда количество молодых и красивых женщин, отчаянно желающих вступить в брак и завести законных детей, многократно превышает количество мужчин, никто из нас не должен роптать оттого, что обременен большой семьей. Божий Замысел – это, в том числе, и наши дети, внуки и правнуки, которые должны унаследовать эту пока еще пустынную землю, и чем больше их будет, тем лучше. От женщин у нас требуется желание вступить в законный брак перед Богом и людьми, а от мужчины нужно только согласие; и единственное требование при этом, чтобы невеста была достаточно физически зрелой для того, чтобы выносить и родить детей. Должен сказать, что и вы тоже, как человек выдающийся, очень быстро станете предметом специфического интереса со стороны тех девиц, что не обрели еще себе законного мужа. Мой совет: не пренебрегайте их ухаживаниями, а присмотритесь к претенденткам. Могу вам обещать, что вы не пожалеете о своем положительном решении.

– Ну что же... – усмехнулся Толбузин, – как говорил святой Амброуз, «если ты приехал в Рим, то должен вести себя как римлянин». Если у вас в Аквилонии такие законы и обычаи, а браки при этом совершаются не под ракитовым кустом, а освящаются церковным обрядом, то, как честный человек, принесший присягу вашему государству, я буду следовать им во всем, пока это не будет противоречить голосу моей совести. А сейчас, Сергей Васильевич, будь добры представить тех ваших офицеров, кто мне еще не знаком, а также их законных супругов. Ваше общество становится мне решительно интересным, ибо подобного я не видел еще нигде и никогда...

Часть 30

Поход на запад

7 июня 3-го года Миссии. Пятница. Утро. Эгейское море, между островами Тинос и Миконо, фрегат «Медуза».

В пять часов утра «Медуза» выбрала якоря и, подняв паруса, в сопровождении «Малютки» направилась к проливу между островами Тинос и Миконо. В это время багровая заря на востоке уже полыхала в полнеба, так что ночной мрак рассеялся настолько, что выступили очертания берегов. Левый полный бакштаг меньше чем за час вынес фрегат к горлу пролива, после чего Раймондо Дамиано скомандовал правый поворот на шесть румбов – как раз в этот момент из-за горизонта брызнули первые алые лучи восходящего солнца.

– Это там, в наш времена, пройти этот пролив было просто, – сказал он каперангу Толбузину и его офицерам, в этот ранний час собравшимся на шканцах, – а тут надо крутиться. Фарватер теперь узкий и кривой, но мы пройдем.

И тут в низах раздался раскатистый крика дневального морпехов: «Рота, подъем!» – и в трюме, разгороженном парусиновыми занавесями на кубрики, началось обычное в таких случаях псевдоброуновское движение. Бойцы, без различия подразделений и пола, вскакивали с коек, стремительно одевались по форме «голый торс» и бежали в расположенный под носовой фигурой галльон рядового состава – мальчики направо от бушприта, девочки налево. Посетив отхожее место и испытав телесное облегчение, они торопливо плескались у рукомойников, после чего бежали строиться на верхней палубе для сеанса утренней гимнастики. А потом звучала команда капитана Гаврилова: «Делай как я, раз-два!» – и начинался гимнастический час. И в то же время с камбуза для пассажиров, где хлопотало поднявшееся одновременно с командой невооруженное женское тыловое подразделение, по трюму уже тянуло вкусными запахами типа «рыба с картошкой, пожаренная в собственном жиру».

Особую пикантность зрелищу упражняющихся на палубе бойцов придавал взвод «волчиц» Сергея-младшего, без всякого смущения сверкавших оттопыренными сосцами. А вот и сам товарищ младший прогрессор – делает упражнения впереди своего личного взвода, как молодой мускулистый Аполлон (это еще господа офицеры Гуга не видели), среди целого выводка юных прекрасных Артемид (ибо за простых пастушек принять этих воинствующих девиц совершенно невозможно).

– И что... так тут всегда? – выражая общее обалдение, спросил каперанг Толбузин у стоявшего рядом командира «Медузы».

– Да, – коротко ответил тот, – так каждый день. Синьорита-маринайо гимнастика не делает, их гимнастика по вантам рано утром – вверх-вниз, вверх-вниз.

Офицеры «Азии» задрали головы – и увидели на мачтах застывших в ожидании матросок, посмотрели направо – и увидели заросшую лесом гористую оконечность острова Тинос, посмотрели налево – а там разлегся такой же лесистый, но гораздо более пологий остров Миконо, составлявший один массив с островом Риния и множеством мелких островков.

– Мы будем делать еще два маневр, – любезно пояснил Раймондо Дамиано, – а потом прямой курс до остров Милос, и я их спускать вниз.

Единственными, кто в это время ощущал себя не в своей тарелке, были подчиненные капитана первого ранга Толбузина. Впервые за всю их службу корабль находится в море, все заняты, а они не при делах. Предыдущим вечером их приняли на борт, накормили, разместили и, ничего не объясняя (некогда), дали команду «отбой». И вот теперь наверху творится не пойми что: на камбузе дикие бабы шипят будто бешеные кошки – идите, мол, отсюда, не лезьте без команды; за занавеской с крупной черной надписью «САМОФРАКИ» (правда,

мало из матросов «Азии» кто умеет читать), пищат и хнычут младенцы и звучат женские и детские голоса на греческом языке, который матросы с «Азии» мало-мало могут разбирать.

Однако вскоре оттуда, из-за занавески, опираясь на посох, вышел лысый старик в поношенной военной форме с чужого плеча, и на ломаном русском сказал, что тут живут спасенные греческие беженцы с острова Самофраки – бабы и ребятишки. Они стесняются чужих и не выходят к людям, потому что с целью борьбы с платяными зверями докторские барышни обстригли их наголо во всех местах и дали чужую мужскую одежду, а их платья забрали, пообещав вернуть уже после прибытия на место назначения.

Сергей-младший, конечно же, заметил это безобразие, и после завтрака собрал совещание командного состава в узком составе: только офицеры «Азии», капитано ди фрегато Раймондо Дамиано, капитан Гаврилов и командиры взводов морской пехоты.

– Значит, так, господа и товарищи офицеры, – сказал он, – в настоящий момент требует искоренения ситуация, при которой на военном корабле одно из подразделений шарахается по трюму и палубе без толку и смысла.

– Наши матросики и рады бы помочь, – ответил каперанг Толбузин, – но тут для них просто нет никаких мест для деятельности. Удивительная команда господина Дамиано со всем справляется сама. Да и мы, офицеры, тоже чувствуем себя тут совершенно лишними, ибо, когда не требуется командовать людьми, мы тоже не знаем, что делать.

– Сделаем так, Никифор Васильевич, – сказал младший прогрессор. – Вы лично поступаете в мой штаб в качестве советника-консультанта по морским делам. Мало ли какая может сложиться ситуация, требующая умного совета: для синьора Дамиано обучение парусному кораблевождению было данью консервативной традиции, а для вас это основной род деятельности, как говорится, на всю жизнь – от материнской титьки и до гробовой доски. И в то же время этого основания совершенно недостаточно для того, чтобы отставить синьора Дамиано от должности и заменить его вами. Говорю об этом прямо и откровенно, чтобы всем было понятно: решения о кадровых назначениях могут быть изменены только в силу чрезвычайных обстоятельств.

– Лично меня, Сергей Васильевич, ваше решение вполне устраивает, – кивнул Толбузин. – Ведь вы же тут вроде Наместника, и для чина капитана первого ранга должность советника при вашей персоне вполне пристойна.

– Теперь перейдем к вашим офицерам, – продолжил Сергей-младший. – Господа Балашов, Касаткин и Некрасов поступают в распоряжение синьора Дамиано в качестве вахтенных стажеров и штурман Никифоров так же переходит в команду «Медузы» на должность штурманского ученика. Чем больше у нас людей, которые после притирки к нашему обществу будут способны стоять самостоятельные вахты, тем лучше. И усвойте раз и навсегда, что у нас в Аквилонии нет господ и нижних чинов, а есть начальники и подчиненные, действующие в таком же едином согласии, как ладонь и растущие из нее пальцы. Вся дисциплина в нашем обществе может быть только сознательной, проистекающей из общего для всех единого целеполагания.

– Матушка-императрица вкупе с графом Григорием Потемкиным тоже хотели добиться чего-то подобного по всей России, – сказал каперанг Толбузин, – но, как я понимаю, ничего у них не получилось.

– И не могло получиться, ибо тяжело плясать кадрили с роялем на ноге, – ответил Сергей-младший. – Но, Никифор Васильевич, давайте не будем сейчас вдаваться в исторические подробности, отложим этот вопрос на потом, ибо сперва нам требуется решить назревшие организационные вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.